

Ненавижу тебя любить

Автор:

[Анна Веммер](#)

Ненавижу тебя любить

Анна Веммер

Мой бывший муж меня ненавидит. Никто не знает, за что, но его ненависть обжигает, выворачивает душу наизнанку. Я вступила в борьбу с чудовищем, но отступить не могу, ибо на кону самое дорогое, что есть в моей жизни. Единственное, что он еще не отнял. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Владимир

– Поздравляю, Никольский. Ты теперь официально свободный мужик в разводе. Можешь трахать баб налево и направо. Хотя как будто тебе брак мешал это делать раньше...

– Ничего ты не понимаешь, – усмехаюсь я и забираю из рук помощника папку с документами. – Дело не в бабах. А в том, что я теперь свободен. Больше не надо видеть эту идиотку в собственном доме, слушать ее нытье и вспоминать об ее папаше.

Я сам лично просматриваю свидетельство о расторжении брака, чтобы убедиться, что отныне с Ксенией Никольской меня связывает лишь общая фамилия. Если бы я мог, я бы заставил ее вернуть девичью. Наверное, я и могу, надавить на глупую девку несложно, но связываться не хочется. Пусть гордо носит мою фамилию, потому что больше я ей ничего не оставил.

Шесть лет в браке, из которых я мечтал о разводе столько же. С тех самых пор, когда отец настоятельно попросил приударить за дочкой депутата Соколова, я думал о том, что однажды наступит момент, когда я отыграюсь. Я до сих пор ненавижу теперь уже бывшую жену. За то, что пришлось прогнуться, за то, что эта стерва не желала замечать мое отвращение к ней, за то, что смела высказывать претензии.

Деньги она, кстати, особо не тратила. По крайней мере, не в таких размерах, как жены приятелей. Но по мне, уж лучше бы надрачивала золотую кредитку, чем мой мозг.

Я подал на развод, едва ее папаша разбился бухой на тачке после очередной пьянки. Еще год мы судились, и развелись бы быстрее, если бы я согласился отдать бывшей хоть что-то.

- Ну и как тебе это удалось? - хмыкает Стас. - Оставить ее без гроша?

- Все имущество было приобретено до брака, у нее ничего нет.

- Да ты продуманный сукин сын.

- А то. Но самый главный плюс в том, что сейчас власть у меня, а если получится заключить контракт с китайцами, то мы выйдем на очень и очень хорошую прибыль. Все, заканчивай обсасывать мою личную жизнь и займись работой. Отзвонись Алексееву, перенеси встречу с Уваровым, а на вечер забронируй мне столик в «Кристалл», будем окучивать китайцев.

- Так может, лучше в «Улун»?

- Думаешь, им охота жрать русскую подделку под китайскую кухню?

- Не скажи, отзывы всегда на уровне, китайцев туда привозят обедать во время экскурсий.

- Ладно, пусть будет «Улун».

Не зря я все же нанял Стаса. Парень с головой, опыта не достаёт, но несколько лет в моей фирме – и будет нарасхват. Мгновенно ловит настрой, подает идеи вовремя и ненавязчиво.

Я застегиваю пиджак и окидываю себя взглядом. Внешне, вроде бы, все в порядке. Едва подавляю рефлекс поморщиться, как делал обычно, когда бывшая подсакивала, чтобы поправить мне галстук. В завязывании галстуков я могу дать фору едва ли не каждому мужику, но для этой идиотки было особенно важно чувствовать себя причастной к моим сборам на работу. Кажется, она перестала это делать года полтора назад, когда я, не выдержав, как следует на нее рыкнул.

А сейчас свобода. У нее приятный запах и сладкий вкус.

Дверь в комнату открывается.

– Па-а-апа-а-а!

Ко мне на руки прыгает дочь. Она уже вторую неделю не расстается с огромным плюшевым динозавром, и мне с трудом удастся повернуть Машку так, чтобы из-за зеленых гребней зверюги рассмотреть ее лицо.

– Ну что? Выучила свой стишок?

– Да! Хочешь, расскажу?

– Ну, давай.

– Петушки распетушились,

Но подрасться не решились!

Если очень петушиться,

можно перышков лишиться!

Если перышков лишиться,

Нечем будет петушиться!

Н-да, ну и стишочки. Или это я слишком испорчен, а дети всего лишь разноцветных куриц имеют в виду?

- Молодец, только не «перышков», а «перышек», поняла?

- Да! - кивает дочь, и я ставлю ее на пол.

- Слушайся няню и не капризничай в саду, поняла?

- Я хочу к маме! - топает ножкой.

Я стискиваю зубы. Этой. Женщины. В. Моей. Жизни. Больше. Нет.

- Машунь, мама уехала.

- Далеко?

- Далеко. В джунгли, у нее там... м-м-м... работа.

- А она скоро приедет?

Никогда. Тигр ее там сожрал к херам собачьим! Черт... как сложно-то.

- Не знаю, но как узнаю, обязательно тебе расскажу. Хорошо?

Задумчиво кивает. Когда Машка уходит в себя, она начинает пожевывать то, до чего дотянется. Как правило страдает любимая игрушка, так что у нашего динозавра уже все уши пожеванные и погрызенные. Приходится следить, чтобы няня не покупала игрушки с сыпучим наполнителем, не хватало еще, чтобы ребенок наглотался пенопластовых шариков.

- Ну все, динозёвр, беги собираться, лады? Папе надо на работу.

Всегда, когда я ее так называю, Маша приходит в совершенный восторг и хихикает. У нас с ней целый словарь таких вот прозвищ. «Зёбра», «динозёвр» – самые любимые.

– А порядок встреч с Машкой не определили? – спрашивает вернувшийся Стас.

Я снова усмехаюсь. Порой собственная ненависть даже пугает.

– Определили. Но мне плевать. Пусть сначала алименты начнет выплачивать, потом поговорим. Хотя будет лучше ей забыть о ребенке. Нищая сиротка-оборванка ничего не может дать дочери Владимира Никольского. Кроме дурного примера...

– А вдруг заплатит?

– Ну если только пойдет на панель. Бывшая не способна работать, она просто не умеет. Так что ребенка ей не видать, как собственных ушей.

Я даже по имени ее не называю. Не хочу о ней думать. Не хочу о ней слышать.

Я ненавижу бывшую жену. Не-на-ви-жу. И точка.

Ксюша

Два года я считала свой брак удачным. Ну и что, что к нему подтолкнули родители? Володя ухаживал красиво. Так, как мне нравилось, не навязываясь и не сосредотачивая мою жизнь на отношениях с ним. Сейчас я думаю, что принимала его равнодушие за такт и сдержанность, но тогда мне нравилось, что мы встречались не каждый день, не проводили ночи на телефоне, не слали друг другу идиотские сообщения с соплями и нежностями. Он просто предлагал куда-то поехать и, как правило, в выходные, мы проводили вечера вместе.

Дорогие рестораны, закрытые мероприятия, сдержанное общение. Он не дарил мне всякую ерунду, а слушал и запоминал то, что мне бы хотелось. Если я плакала из-за того, что утопила телефон в ванной, мне тут же покупалась самая последняя модель, если я говорила, что вышла новая книга любимого писателя, но в продажу еще не поступила, то получала ее буквально на следующий день.

Неужели это все был холодный расчет? В зале суда муж бросил фразу «Развестись с тобой оказалось выгоднее, чем жениться». И это не в сердцах брошенная фраза, это было сказано с такой самодовольной ухмылочкой, что захотелось расцарапать ему рожу.

Когда одна из давних подруг узнала, что мы разводимся и что я осталась без гроша, то спросила:

- Ксюха, Боже, что ты такого ему сделала?

А фишка в том, что я ничего не сделала. Ни-че-го. Теперь кажется, что все мое преступление лишь в том, что я была в жизни Владимира Никольского.

- Ты прости меня, Ксюшечка, - вздыхает свекр.

Я вздрагиваю и возвращаюсь в реальность. В дорогом ресторане с белоснежными салфеточками и занавесками мне неуютно, хочется как можно скорее отсюда сбежать. Все вокруг напоминает о прошлой жизни, которая закрыта для меня навсегда.

- Зря я, наверное, так на Володьку давил, - вздыхает Борис Васильевич. - Он всегда терпеть не мог, когда я ему приказываю, а тут... да ты же сама все понимаешь, девочка моя. Тебе папа говорил то же, что и я Володе.

Киваю, а сама вспоминаю разговоры с отцом. О, как он радовался тому, что за мной ухаживает сын Никольского! Хотя и волновался, приглядывался. «Если этот мажорчик тебя обидит - говори». Для отца я хотя бы не была разменной монетой в бизнесе, чего не скажешь о свекре. Но все это я кручу в голове, а внешне остаюсь спокойной и бесстрастной.

- Да... вот так вот. Ну, ты прости, в общем. И Володьку прости. Дурак он. Неплохой, но дурак. Да что там - я его таким и воспитывал, вот и пожинаю плоды...

- При всем моем уважении, - перебиваю его, - вы ничего не пожинаете. Ваш сын по-прежнему ваш, он жив, здоров, богат, теперь наконец-то счастлив. А еще у вас есть внучка, которую у вас не отнимали. Давайте лучше о Маше поговорим.

Вы можете заставить Владимира допустить меня до встреч с дочерью?

Глазки бегают. Стыдно, собаке.

– Я, конечно, Ксюшечка, попробую, но сама ведь знаешь, упертый дурак, не слушает!

– Это моя дочь. Я ее родила, я ее пять лет воспитывала, черт возьми, я ее не видела пять месяцев!

Не выдерживаю и бью кулаком по столу, отчего официант, проходящий мимо, с опаской на меня косится.

– Да я же понимаю, деточка ты моя, ну не могу я его уговорить!

– Наймите мне юриста. Пусть подаст иск, пусть делает хоть что-то! Что толку от вашего «прости, Ксюшечка»?!

– Милая моя, ну не могу же я... в суд да против сына...

Я устало закрываю глаза. В суд он против сына не может. А мне теперь что делать?

– Уходите, пожалуйста. Не хочу вас больше видеть.

– Ксюшеч...

– Я больше не Ксюшечка, Борис Васильевич, меня Ксения зовут.

– Ксю... Ксения, погоди. Вот, возьми, пожалуйста. Я тебе тут квартиру снял... на первое время и вот...

Я замираю, глядя на папку с договором, ключами и приметным белоснежным конвертом. Ярость накатывает волнами, то стихая, то подталкивая бросить эту папку в лицо свекру.

– Возьми, пожалуйста, ну что ты делать-то будешь? На первое время... пока на работу не устроишься.

От мысли о том, чтобы взять хоть копейку от Никольских начинает тошнить, но вместе с этим в голову приходит безумная, нереализуемая, но будоражащая идея.

– Хорошо, – медленно произношу, восстанавливая дыхание, – спасибо.

– Я попробую поговорить с Володей, – вслед мне говорит Борис Васильевич.

Мне уже плевать, я пыталась сделать это миллион раз, я умоляла, просила, кричала. Вряд ли у свекра получится убедительнее. Правда в том, что ненависть разъедает Владимира изнутри, из-за нее отказывает разум, а души там, похоже, и не было. Он скорее отрежет себе руку, чем этой рукой откроет мне дверь к дочери.

Когда-то, в девятнадцать, я мечтала о том, как в белом платье буду кружиться в вальсе с любимым мужчиной. Когда мне было двадцать, я мечтала, что мой любимый мужчина станет хоть немного теплее. Когда мне было двадцать один, я уже не мечтала о любимом, но все еще верила, что разведятся дураки, а за брак стоит бороться.

Теперь я выросла и уже не мечтаю. А бороться собираюсь не за брак, а за единственное хорошее, что сделал в своей жизни бывший муж. За моего ребенка.

Его ненависть обрушилась на меня, как цунами. К началу бракоразводного процесса я, конечно, уже не верила в красивую сказку о дружной семье и не ждала от Никольского ни супружеской верности, ни мужниной заботы. Но все еще жила в мире иллюзий, полагая, что раз он любит Машку, то и смирится с моим присутствием в жизни.

Я ни за что бы не подумала, что вызываю у него такие чувства. На самом деле до определенного момента я считала, что не способна испытывать что-то даже

отдаленно напоминающее ненависть. Оказалось, жизнь еще не была меня по щекам. Я вообще жила сначала у любящих и богатых родителей, а от них переехала сразу к мужу. Университет пришлось бросить из-за беременности, а потом все как-то не складывалось. Машкой нужно было заниматься, Машку нужно было воспитывать, а образование... «ну запишись на курсы какие-нибудь, если тебе скучно» – вот и весь ответ.

Сколько было этих курсов? По фотографии, по компьютерной графике, по стилю и гардеробу, по уходу за собой. Я выглядела, как жена с Рублевки, я вела себя, как жена с Рублевки, я научилась тысяче бесполезных вещей, но ни одной, которая помогла бы выжить в одиночестве.

Ей богу, хоть бы маникюр научилась делать.

Мне даже любопытно, насколько сильно совесть мучает свекра, поэтому я иду по адресу в договоре. От подружки пора съезжать, Верка и так терпела весь год, что мы развелись. Пережила десяток моих истерик, депрессию, вытащила меня, привела в порядок, заставила бороться, не взяла ни копейки, а я смогла отдать ей хорошо если пятую часть, продав единственное, что осталось со мной – гребаное обручальное кольцо Никольского.

Он так меня ненавидит, что, оставив без гроша, не смог пересилить себя и забрать свое кольцо. Даже забавно.

От Верки пора съезжать и точка. Несправедливо втягивать ее в войну с Владимиром, а от войны мне теперь никуда не уйти. Я испробовала все способы вернуть Машку, я часами стояла у ворот, как голодная собака, пытаюсь поймать хоть минуту и поговорить о дочери, ездила в места, где Машка с Володей бывали, звонила, писала, умоляла, взывала к голосу разума.

Вариантов почти не осталось.

Да... квартира впечатляет. Это однокомнатная двухуровневая студия в самом центре, в одном из домов с архитектурной ценностью. Такие сдают за бешеные деньги, в основном туристам и посуточно. Рядом какое-то не то консульство, не то посольство, через дорогу – особняк дипломата. Я брожу по дорогому паркету и пытаюсь успокоить нервы.

В конверте деньги. Много денег, несколько тысяч долларов – почему-то наши миллионеры все поголовно таскают с собой валюту. Деньги придется обменять на рубли, а вот что делать с картой... я ведь не могу таскать с собой пакет с деньгами, это слишком опасно.

К счастью, в квартире есть компьютер, и ближайший час я трачу на то, чтобы изучить вопрос. Банки отпадают, у Никольского в них связей вагон и маленькая тележка, заблокировать мои счета для него не составит труда. А вот электронные деньги... если сделать несколько кошельков, не идентифицировать их и хранить небольшие суммы, все вполне может получиться. Даже если заблокируют один, у меня останутся еще несколько, плюс какое-то количество наличных... а еще можно оставить часть денег Верке и, в случае форс-мажора, зарегистрироваться на каких-нибудь Веб-мани и попросить ее перекинуть туда. К счастью, в современном мире наличные уже не так популярны.

Теперь, когда план становится более-менее реальным, я размышляю над деталями. Моя главная надежда в том, что Владимир беспечен. Для него я – пустышка, жена по расчету, неспособная сдачу посчитать в магазине. А значит, он не ждет от меня решительных действий и не усилил меры безопасности.

Я заберу дочь из сада, я всегда делала это, не пользуясь услугами водителей. Конечно, сейчас у Маши есть няня, а домой ее отвозят на машине, но если приду немного раньше и скормлю воспитателям какую-нибудь байку... всем плевать, я – мать, я пять лет водила ее в садик, вряд ли хоть кто-то озаботится моим появлением.

А потом мы сядем в автобус, который увезет нас далеко-далеко. И пусть я буду мучиться чувством вины за то, что лишаю дочь отца, она будет рядом со мной, она не станет расти рядом с чудовищем, который легко и просто вычеркнул из ее жизни меня.

Одна проблема: документы. Без свидетельства о рождении мой план рухнет в первые же дни. Быстрый поиск в сети дает обнадеживающий результат. Обратиться за дубликатом свидетельства я могу в том же ЗАГСе, где и получала. И вряд ли вечно занятой Никольский об этом узнает.

Впервые за много месяцев я чувствую, как тиски, сжимающие сердце, слабнут. Ступать на этот путь страшно, так страшно, что начинает тошнить от одной

мысли, чтобы сбежать вместе с Машкой из-под носа бывшего мужа, но в то же время мне легко и хорошо.

Хочется перемен. И я позволяю себе последнюю слабость – беру несколько купюр, тщательно прячу деньги и документы в сейф, а потом гуглю ближайший салон красоты. И это огромный прогресс, потому что в первые месяцы после развода я порой не могла заставить себя причесаться. А сейчас сижу в кресле перед зеркалом и жду мастера.

Женщины часто оправдывают козлов, с которыми живут. Конечно, он ушел, ведь я так растолстела после родов. Конечно, он изменил, ведь быт превратил меня в серую мышь. Естественно, ему плевать на мое мнение, ведь я сижу дома с детьми и не развиваюсь. И уж конечно я не смею предъявлять претензии, потому что деньги в дом приносит муж.

Меня касалось, пожалуй, в полной мере только последнее. Хотя и это спорно: папа, едва мы сыграли свадьбу, очень помог Володе с бизнесом. Вряд ли он бы входил сейчас во все эти пафосные списки Форбс, если бы не мой отец.

Но я выглядела хорошо. Гордилась длинными густыми волосами орехового цвета, полными губами – пределом мечтаний всех инстаграмных бьюти-девиц, причем если им они доставались после курса уколов у дорогущих косметологов, то меня такой красотой наградила природа. Мне нравилась моя внешность, я вкладывалась в уход за собой, я хотела быть идеальной – и мне казалось, что была.

Я занималась спортом, читала книги, старалась не пропускать культурные события, чтобы не хлопать глазами, как наивная идиотка с таксой в сто баксов в час, сопровождая мужа на корпоративах и встречах.

И вот сейчас сижу и не понимаю, что хочу в себе изменить, но очень хочу! Нет сил больше смотреть на Ксению Никольскую, я хочу новой жизни и новой внешности.

– Отрежьте волосы чуть повыше плеч... – прошу у мастера. – Каре. И... и покрасьте!

– В какой цвет?

– Я не знаю, я... а что сейчас модно?

– Омбре очень хвалят. Это такой градиент, плавный переход одного цвета в другой.

– Пойдет. Давайте!

– А какой цвет вы хотите?

Глаза разбегаются от палитры цветов. Я без раздумий тыкаю в самый приглянувшийся – насыщенную глубокую вишню. Он пахнет сладким летом, беззаботными днями, когда я была студенткой и мы всем потоком выбирались на дачу к однокурснице. Там были и вишня, и хрустящие яблоки, и ароматная малина. Там было хорошо и спокойно.

– Отличный выбор, – улыбается миловидная девушка, – люблю тех, кто легко решается на эксперименты. Смелость – важное качество.

– Вы даже не представляете, насколько, – в ответ вздыхаю я.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Владимир

Смотрю на Катерину и думаю: может, уйти сегодня с работы пораньше, а домой прийти попозже? Отметить официальный статус холостяка в хорошей женской компании. Не то чтобы раньше я как-то ограничивал себя в свободных развлечениях, но грех не воспользоваться приятным поводом. Тем более, что Катерину я нанял совсем недавно и надоест она еще не успела.

Кстати, эта – умнее прошлой. Обычно я держу помощника в качестве реального сотрудника, а секретутку – за красивое личико. Сидит в приемной, радуется гостей внешним видом и учтивостью, варит неплохой кофе, ну и хорошо сосет. Работа оплачиваемая, но текучка большая. Стас говорит, заебываются быстро, а я

думаю, работа сложная – в диапазоне кофемашины столько длинных слов.

– Солнышко, – ласково говорю, – сбегай в супермаркет и купи что-нибудь на перекус. Заехать никуда не успеем, надо в банк, а жрать хочется.

– Уже, Владимир Борисович, – улыбается блондинка. – Вот, купила для вас вишни. Вымыла и перебрала, вся спелая и сладкая.

– Еще и попробовала, – усмехаюсь я. – Ну спасибо. А я вот думаю...

Катерина хороша. Стоит возле машины, держит корзинку с крупной наливной вишней, глазами своими хлопает и губы, щедро намазанные красной помадой, облизывает. Я вообще взял ее с собой, чтобы потом из банка ее в офис отправить, но теперь думаю – а может, лучше в отель?

– Ты вечером что делаешь? – спрашиваю я.

– Если вы о сверхурочных, то я всегда готова, Владимир Борисович.

– Тогда в банк, а потом найдем какой-нибудь отельчик. Со спа, джакузи, вишней, опять же, с шампанским. Расслабимся после трудового...

Я осекаюсь, едва взглянув на противоположную сторону дороги. Сначала мне кажется, что это глюк. Может, я не выспался? Перегрелся на этом по-странному жарящем для октября солнце? Может, мне пора в отпуск или вообще нахрен на пенсию?

Но нет. На противоположной стороне улицы, возле дверей какого-то салона, стоит бывшая. Хотя от бывшей в ней теперь одно название. К счастью, у меня достаточно выдержки, чтобы не стоять, открыв рот, тупо глядя на нее, но все же я никак не могу заставить себя сесть в машину и свалить отсюда к чертям собачьим.

Она обрезала волосы. Надрачивала на них годами, от масок-хуясок ломился шкаф в ванной, а теперь взяла и обрезала? Да еще и покрасив в вульгарный цвет, который я даже не могу описать?

А еще я никогда не видел ее в спортивном. Платья, юбки, дурацкие костюмы, несмотря на то, что ни дня в своей жизни бывшая не просидела в офисе. А сейчас стоит на тротуаре в джинсах, черной толстовке, черных же кедах и смотрит в небо, ероша рукой темно-красные волосы.

Нет, не тот цвет.

Она похожа на едва девушку, уже избавившуюся от подростковой нескладности, но еще не приобретающую настоящие женские формы. Я знаю, что скрывает свободная толстовка, я видел ее, я трахал ее, и это знание должно начисто отбить во мне интерес к женщине, которая для меня больше не существует.

Но я смотрю и смотрю, смотрю, как эта стерва улыбается, щурясь, подставляя лицо солнцу, и внутри меня поднимается ярость. Я ненавижу ее счастье, руки сжимаются в кулаки от бессильной злобы. Это даже пугает, потому что до этого момента мне казалось – плевать, что бывшая будет делать. Плевать, как и на что она будет жить. Плевать, как будет выглядеть.

Чертовы волосы. Нахрена она их обрезала?!

Смотрю ей вслед, провожаю взглядом, невольно прикованным к упругой заднице в обтягивающих штанах. Худая – я даже не заметил, как она похудела за год, что мы виделись только в суде, невысокая, без привычных каблучков.

Другая. Совершенно другая, и это обстоятельство почему-то бесит до темноты в глазах.

– Не забудьте предупредить няню.

– Что? – Я моргаю и возвращаюсь в реальность.

– Няню, – напоминает секретутка, – вашей дочери. Вам стоит предупредить ее, что вы не приедете ночевать, чтобы Мария Владимировна не осталась одна.

– Не приеду ночевать... ты о чем?

Девушка смотрит на меня так, словно я ляпнул какую-то глупость, но сказать об этом неловко – я все-таки ее шеф.

– Спа... джакузи... вишня.

– Ах, вишня, – перед глазами снова волосы бывшей и теперь я знаю, как этот цвет называется, – знаешь, не сегодня.

– А...

– Съешь ее сама.

Подталкиваю Катерину к машине и быстро сажусь за руль. Мне хочется убраться отсюда поскорее. От яркого солнца. От осенней улочки.

– Так вы вишню-то будете? Просили же перекусить... – Катерина обиженно дует губы.

Нагнувшись к ней, я выхватываю корзинку и выбрасываю ее в окно, а затем, круто развернувшись, проезжаю прямо по спелым и сочным ягодам, оставляя на асфальте безобразные потеки.

– В следующий раз, когда я прикажу найти перекус, раздобудь сэндвич и кофе. Я мужик, а не козел, травой не питаюсь, ясно?

Обиженная женщина – к беде, но только если она твоя жена. А если это обычная секретарша, обделенная всем, кроме внешности, то к тишине. Катерина дуется, а я никак не могу взять себя в руки. Хладнокровность – одно из качеств, которое я получил от отца, вдруг резко отказала. Я всегда гордился тем, что могу на амбарный замок запереть все эмоции и методично переть к цели.

Год за годом я выстраивал бизнес, стиснув зубы терпел выверты налоговиков, банков, контрагентов, научился манипулировать людьми, предугадывать их поступки. А еще планировал развод. Без эмоций, без нервов, я шел к этому дню и должен быть счастлив.

Высаживаю Катерину возле офиса, снабдив всеми документами, а потом несусь обратно в центр. Няня сегодня до одиннадцати, дочь не будет скучать, а у меня есть время пройтись и проветрить голову. Почему-то всегда, когда хреново, я брожу по центру. Здесь нет остоепиздивших высоток, от одного вида которых сводит скулы. Здесь крошечные улочки, извилистые, причудливые.

Нет, я не проникаюсь всей этой историей, архитектурой, духом времени. Я просто ненавижу стекло и бетон, а теперь еще и цвет спелой вишни. Невольно, стоя в толпе на переходе, я высматриваю среди людей яркие волосы. Иногда мне кажется, что вижу их боковым зрением, но когда оборачиваюсь, улица уже пуста.

Хочется нажраться и отключиться, да обещал сегодня Машке с ней поиграть. Она не забудет и уж точно не простит, если откажусь.

Хочется как-то заглушить мысли в голове, но единственное, что приходит в голову – боль.

Поэтому я иду по знакомому маршруту, надеюсь, что Граф свободен и сегодня на работе. К счастью, двери его салона открыты, а внутри нет ни одного посетителя.

– Вовка? – Граф поднимает голову от папки с эскизами. – Ты какими судьбами?

– Набей что-нибудь, а, – устало сажусь в кресло и закрываю глаза.

– Ну нихрена себе предъявы. Я тебе с порога могу только морду набить. Что тебе в башку ударило?

– Как ты еще не разорился с таким подходом к клиентам? – усмехаюсь я. – Каждому в морду предлагаешь, или только постоянным?

– Тату-мастер, Никольский, это тебе не аквагример в парке. Татухи с наскака не делаются. Чего тебя принесло? Сам же сказал, что больше ни-ни, а то партнеры пугаются.

Меньше всего на свете мне хочется рассказывать, что привело меня сюда. Мне вообще не хочется думать, мне хочется заглушить чем-то внутренний зуд, забыть о наваждении, вдруг появившемся на противоположной стороне улицы. Ненавижу это отвратительное чувство. Понятия не имею, как оно называется, но уже его ненавижу. Я возненавидел бы все, что заставило думать о бывшей.

– Я в разводе. Праздную.

– У-у-у, – Граф откладывает папку с эскизами, – поня-я-ятно. Что бить будешь? «Не забуду тещу родную»? «За пиво и футбол стреляю в упор»? А хочешь, купола ЗАГСа на спине набьем?

– Вот что ты забыл здесь? Пиздуй в ящик, дебил, там комеди клуб без тебя уже третий год про жопы шутит.

– Мама дорогая, какие мы нервные. Давай сюда свою лапу, набью тебе таблицы Брадиса, в память о славном студенчестве.

А мне на самом деле плевать. Хоть Брадис, хоть закон Ньютона, хоть слово «Хуй» в масштабе с пояснительной картинкой. Лишь бы отключиться, сосредоточиться на физическом и вместо вишни чтобы перед глазами стоял идиотский постер с графической абстракцией, а приглушенный свет и хорошая музыка погрузили в некоторое подобие транса, где из реального – только шум машинки и болезненное прикосновение иглы к коже.

У меня есть несколько часов, чтобы прийти в себя, прежде чем вернуться к дочери.

– Вот поэтому я и не женюсь, – говорит Граф, – сначала женятся, потом разведутся, а потом приходят и отказываются платить мне за анестезию. Мазохисты херовы. Если хотел себя помучить – нахуй развелся, дебил?

Я молчу, лежа все время, пока он рисует эскиз и наконец Граф не выдерживает:

– Вовка, ты точно в порядке?

– В полном, – не открывая глаз, отвечаю я. – Коли.

Ксюша

Я готова.

Меня трясет от страха, но дольше тянуть нет смысла. Деньги раскиданы по кошелькам и припрятаны, документы готовы, вещи на первое время собраны, билеты куплены. Остается только дождаться конца полдника в саду и забрать Машу. Нужно выглядеть бодрой, веселой и невозмутимой, а еще объяснить пять месяцев отсутствия.

Я должна настраивать себя на образ счастливой и безмятежной жены олигарха, а вместо этого реву, сидя за туалетным столиком. Мне жалко и себя, и бедную Машку, которая ничем не заслужила войны собственных родителей.

А еще мне жалко бывшего мужа, и я гоню от себя это чувство, убеждаю себя, что Машу он не любит. Она для него – элемент статуса. Ребенок, дочь, наследница. Ах, какая чудесная девочка, умна не по годам! Ах, какой самоотверженный отец, разве можно не заключить с ним контракт?

Мужчина, сгорающий от ненависти к женщине, не может любить ее ребенка. Или может? Я не знаю, и это убивает. Вся моя надежда в том, что Никольский забудет. Побесится, залижет раны на самолюбии и выдохнет с облегчением, поняв, что больше не надо изображать заботливого папочку. Если к Маше у него нет никаких отцовских чувств, все так и будет. А если есть... об этом думать не хочется.

Мне кажется, я все продумала. Выбрала небольшой городок в шести часах пути. Хотела рвануть дальше, но рассудила, что по билетам на поезд найти нас будет просто, поэтому остановилась на автобусе. Сняла номер в отеле на несколько дней, чтобы денек отдохнуть и рвануть дальше, оказаться в нескольких сутках пути от дома и, наконец, снять квартиру.

Мне хватит денег свекра на жизнь и какую-нибудь частную развивайку, которая никуда не передает данные о ребенке. На первое время деньги есть, а потом... потом придется, конечно, рискнуть. Устроить Машку в сад, выйти на работу и надеяться, что к тому времени бывший уже забудет и обо мне и о дочери.

План прост, как две копейки: пока сидим, затаившись, закончить курсы маникюра, а потом работать вчерную, на дому. Государственные предприятия для меня закрыты, частный бизнес я с ребенком не потяну (а точнее не с ребенком, а с куриным мозгом). Остается только работа на себя. У меня есть ноутбук и несколько месяцев, чтобы научиться зарабатывать. Если я хочу остаться с ребенком, то придется приложить все усилия.

Вытираю глаза и начинаю краситься. Я – молодая и успешная жена богатого человека. Я счастлива в браке. Я влюблена в своего мужа. Я с удовольствием бы собственными руками задушила эту скотину, но на несколько минут я должна стать той влюбленной Ксюшечкой, которую во мне еще видел свекр.

А потом хоть трава не расти.

На такси я подъезжаю к парку. Оставляю в машине рюкзак с вещами и прошу подождать полчаса, обещая щедрое чаевые.

– Мы с дочкой уезжаем к родителям в деревню, сейчас заберу ее из сада и поедем на вокзал, чтобы успеть до темноты.

Я знаю, что рискую. Таксист может сообщить о сумке в салоне диспетчеру и сюда придет куча саперов, таксист может решить, что в рюкзаке ценные вещи и рвануть с места. Хотя этого я не так уж боюсь, все документы и деньги у меня в сумке для ноута, которую, конечно, беру с собой.

Нечеловеческим усилием заставляю себя успокоиться. Я должна быть хладнокровной. Веселой. Беззаботной. Уверенной в себе.

Прохожу через турникет, неспешно и с улыбкой иду по усыпанной золотой листвой аллейке к зданию садика. Улыбаюсь администратору:

– Здравствуйте, Риточка. Как у вас дела?

– Ой... – хлопает она глазами. – Ксения Валентиновна... а вы... я думала, Машеньку заберет Елизавета Максимовна.

– Елизавету я отпустила пораньше. Только прилетела из командировки, решила забрать Машуньку и сводить в парк, пока деньки еще стоят.

– О... вы были в командировке? А мы думали, куда пропали...

– Ну да, дела семейные. У меня отец погиб, пришлось разбираться с его делами. Так, куча всяких бумажек, разборок с родственниками и все такое.

– Извините, пожалуйста, Ксения Валентиновна, мы не знали! Владимир Борисович ничего не говорил...

– Ну муж вообще не любит распространяться о личном. Учитывая, как журналисты любят подробности личной жизни богатых мужчин. Надеюсь, вы не станете выносить наш разговор в массы?

– Ну что вы, Ксения Валентиновна, я все понимаю! Очень вам сочувствую, еще и слухи...

– Какие слухи?

– Ну... говорят, вы с Владимиром Борисовичем разводитесь.

В чем несомненно положительное качество бывшего – так это в умении скрывать себя от журналистов и общественности. Развод прошел тихо, без привлечения СМИ и блогеров. За это, пожалуй, стоит сказать ему спасибо.

– Ну... у кого проблем не бывает. – Я вздыхаю. – Но у нас все нормально. Риточка, вы Машку позовите собираться, ладно? А то я голодная, жуть! Не могу есть в самолете, меня постоянно укачивает.

– Да-да, конечно!

Она хватается за телефон.

Я взяла время с запасом. Няня обычно приходит за Машкой в пять, а сейчас без десяти четыре. В том, что ребенка забирают раньше, нет ничего страшного. Спасибо, господи, за беспечность Никольского. Ему и в голову не пришло, что я

заявлюсь в сад, поэтому рассказывать всем о том, что оставил жену без ребенка, он не стал.

Сажу в холле, листая новостную ленту в смартфоне, а сердце бьется, как сумасшедшее! Кажется, вот-вот выпрыгнет из груди, но едва я думаю о том, что сейчас увижу дочь, то ногтями впиваюсь в ладонь. Только бы Машка ничего не испортила... ничего не ляпнула лишнего!

– Мамочка-а-а!

Моя девочка, увидев меня, несется, по дороге теряя тапок, обнимает меня за шею крепко-крепко, и чего мне стоит сдерживаться и не рыдать в голос, знают только звезды! Я обнимаю свою малышку, теперь я могу посмотреть на нее вблизи, увидеть, как она выросла, как похорошела, вдохнуть ее запах детских духов из детского набора косметики.

– Мамочка, ты приехала! Папа сказал, ты была в джунглях!

Я заставляю себя рассмеяться, хотя меня буквально душит злость на Никольского. Но нужно играть роль. А потом, когда окажемся в безопасности, за много километров отсюда, и Машунька уснет, я смогу вволю поплакать.

– Маш, в Сочи не джунгли, а пальмы. Запомнила? Пальмы, мы их видели, когда ездили, тебе четыре годика было. Большие такие... красивые!

– А ты привезла мне подарок?

– Конечно. Только дома оставила. Давай одеваться, пойдём погуляем по парку, покормим уточек... ну и маму покормим, а то меня-то полдником не кормят.

Пока мы одеваемся, в холл выходит воспитательница. Сердце делает кульбит и уходит в пятки. А если ее предупредили, что мы в разводе?

– Ксения Валентиновна... на минуточку, – говорит она, поджав губы.

Приходится передать Машу Рите и отойти с воспитательницей к окну.

– Очень хочу с вами серьезно поговорить о Владимире Борисовиче.

– А что такое?

Мне кажется, я едва дышу, но улыбка на лице словно приклеенная.

– Он совсем перестал уделять внимание Машеньке. Привозит ее няня. Забирает няня. Все разговоры – о няне. С няней играли, с няней гуляли, няня сказала. Ксения Валентиновна, в семье все в порядке? Может, стоит показать девочку психологу? У нас отличный специалист.

– О... да, спасибо, мы воспользуемся вашим предложением. Видите ли, год назад погиб мой отец, ее дедушка. Это ранило Машу. Потом мне пришлось улететь в Сочи и разбираться с наследством, ну а Володя, конечно, работает за троих. Няня нас очень выручила, но сейчас я решила все вопросы и вернулась. От услуг Елизаветы мы, конечно, не откажемся, но время с Машенькой буду проводить я. Спасибо вам за заботу.

– Ну что ж, – улыбается женщина, – я рада, что вы вернулись, Ксения Валентиновна. Машенька по вам скучала. У меня даже сложилось впечатление, что она не знает, куда вы отправились.

– Ну... мы решили не травмировать ее, напоминая о смерти дедушки, поэтому сказали ей, что мама едет по работе в командировку. Ну а пальмы у нас равны джунглям... и вот.

Мы смеемся, как две приятельницы смеются над проказами маленьких детей. Маша тем временем уже готова.

– Скажи «до свидания» Рите и Людмиле Михайловне, – говорю я.

Машка радостно трясет плюшевым динозавром. Я крепко держу ее за руку, пока мы идем от садика к воротам, и, едва сворачиваем и пропадаем из поля видимости, я прислоняюсь к ближайшему дереву.

– Сейчас, Машунь, минуточку постоим, у мамы ножки устали.

- Мы пойдем кормить уточек?

Боже... я чувствую себя самой последней сволочью на свете. Опускаюсь на коленки рядом с дочерью и говорю:

- Солнышко, ты хочешь жить с мамой?

Машка кивает. Но это же не честно! Не честно вот так ею манипулировать!

«А отбирать у меня ребенка честно? Трахаться со своими секретаршами в доме, где спит ребенок, честно? Лишать ее материнской любви тоже честно?».

- Я тут решила отправиться в путешествие. В другой город. Хочешь поехать со мной? Там много интересного. Будем путешествовать вместе?

- Да-а-а! - радостно кричит моя девочка и прыгает на месте. - А папа?

- А мы будем отправлять папе фотографии, а когда он наработается, то тоже к нам приедет. Сойдет?

- Сойдет!

- Тогда поехали. Как же я по тебе соскучилась, как же ты выросла-то, Машка!

Таксист, к счастью, на месте.

- На автовокзал, пожалуйста, - прошу.

И всю дорогу обнимаю Машку, целую ее в светленькую макушку, прижимаю к себе вместе с динозавром и дышу, глубоко и размеренно, чтобы не раскиснуть совсем.

Вот мы и на вокзале. Сидим в автобусе, жуем вкусные свежие булочки с маком, запивая их ананасовым соком, и чувствуем себя счастливыми. Маша радуется приключению, тому, что мама рядом, теплой осени и вкусному угощению. Я до сих пор не верю, что у меня почти получилось. Руки трясутся, а глаза невольно

высматривают в толпе знакомый силуэт. Лишь когда автобус трогается с места и, лихо объезжая вечерние пробки, вырывается на трассу, я окончательно расслабляюсь. Остаток пути мы с Машкой смотрим мультики на ноутбуке и болтаем обо всякой ерунде.

Чем больше времени я провожу с дочерью, тем сильнее ненавижу бывшего мужа. Каждый миг разлуки с Машкой – утраченные драгоценные мгновения. Ему они не нужны, а я храню в памяти каждое. Как она сказала первое слово, как сделала первый шаг, как ползала и облизывала все вокруг, как кусала меня за нос в каждый удобный момент, как дергала деда за усы и как обнимала собаку Никольских, заснув случайно в ее вольере. Сколько таких моментов я пропустила?

Вместе с этими воспоминаниями приходят и другие, от которых я бы рада отмахнуться, да не выходит. Как Вова брал захлебывающуюся плачем Машу и та мгновенно затихала. Как он играл с ней в прятки в саду и громко делал вид, будто совсем не замечает торчащую из-под лавочки беседки ногу. Как он подхватил от нее ангину, и я двое суток не спала, вслушиваясь в их дыхания, боясь, что начнутся осложнения. Как я смеялась, когда Машка разрисовала отрубившегося прямо на полу в детской Володю, а потом половину ночи отмывала его мицеляркой, потому что утром должны были состояться переговоры.

И дальше... как мы танцевали на свадьбе, и он удерживал меня каждый раз, когда я от волнения путалась в подоле платья. Как после свадьбы всю ночь летели на Мальдивы, и я спала у него на коленках, уткнувшись носом в холодную пряжку ремня. Как прикладывала его руку к животу, где шевелилась Машунька. Как протянула ему крохотный сморщенный комочек, на который Вова смотрел, как на инопланетянина, а когда дочь, почувствовав папу, открыла глазки, осторожно ей улыбнулся.

Что с нами стало?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Владимир

– Ну что, господа, я жду от вас как минимум полный анализ по предложениям и срокам, а как максимум – готовое решение по производству. Давайте не будем бегать туда-сюда из-за idiotских согласований. Бюджет есть, есть четкая задача – возьмите на себя ответственность и примите решение.

Я отвлекаюсь на вибрирующий смарт. Черт, Лиза.

– Всем спасибо, на сегодня все свободны. По всем вопросам обращайтесь к Станиславу.

Я едва дожидаясь, когда последний человек покинет кабинет, и перезваниваю няне. Внутри сидит мерзкое и противное ощущение приближающихся неприятностей. Лиза никогда не звонит мне в рабочее время. Все бытовые вопросы и проблемы она решает с экономкой, все воспитательные – сама. Я доверяю ей чуть менее, чем полностью. Если дочь простыла, Лиза оставит ее дома и вызовет врача, если разбила коленку, Лиза обработает и усадит ее смотреть мультики, если захочет развлечений – Лиза сама решит, есть ли возможность ей их дать.

И если няня трезвонит в середине рабочего дня, значит, случилось что-то из ряда вон.

– Владимир Борисович...

Голос у Лизы заплаканный и тихий.

– Что такое?

– Понимаете, я должна была забрать Машу в пять...

Она всхлипывает, и я морщусь.

– К делу, Лиза, быстро!

– В садике сказали, Машеньку забрала мама! Владимир Борисович, меня никто не предупредил! Что теперь делать?

Я ругаюсь сквозь зубы. Сука. Даже не знаю, кто, она или я. Бывшая за то, что сперла ребенка, а я, потому что этот вариант и в голову не пришел. Дрянь малолетняя, ну, я ей устрою.

- Ждите, - бросаю в трубку, - сейчас буду.

Надо взять водителя, потому что адекватное восприятие реальности начисто испарилось. Внутри все кипит, я готов разнести к херам кабинет от злости, и только необходимость немедленно ехать в сад останавливает.

Мысль о том, что бывшая пойдет на меня войной в голову не приходила. В моем мире бессловесная глупенькая девица, ни дня в жизни не работавшая, вообще не способна на серьезные поступки. Я был готов к рыданиям, к нытью, к попыткам воздействовать на меня через отца или брата с сестрой, но никак не к тому, что она просто заявится в сад и уведет мою дочь.

Я ее найду. Найду очень быстро и она очень сильно пожалеет о том, что натворила.

В саду меня встречают три испуганные рожи. Лиза, администраторша - забыл ее имя - и старая дура Людмила Михайловна.

- Вы че, охуели?! - рычу так, что администраторша нервно косится на двери во внутренние помещения. - Вы кому ребенка отдали?!

- Так... Ксения Валентиновна пришла, Машеньку забрала... она же ее всегда забирала, мы не подумали...

- А вам, блядь, не надо думать! Няня что сказала? Заберет ребенка в пять! Какого хуя вы не позвонили ей? А мне? Какого хуя вы отдали ребенка раньше положенного?!

- Но Ксения Валентиновна...

- Она ей больше никто. Мы в разводе. Точка. Должностную неси сюда.

- Владимир Борисович...

– Я сказал, дура ты старая, должностную сюда неси, если сесть не хочешь! Я тебя носом ткну в то место, где написано, как ребенка надо отдавать. Не частный сад, блядь, а вокзал!

Лиза снова начинает шмыгать носом.

– Брысь домой, – говорю ей. – Позвоню, когда понадобится.

Пока администраторша бегает в поисках документов, набираю начальника службы безопасности.

– Владимир Борисович, я почти закончил с новыми камерами, ребята...

– Бросай камеры. Бывшая увезла дочь без спроса, забрала из садика. Найди ее немедленно, из-под земли достань!

– Понял, Владимир Борисович, сейчас займемся. Найдем и доставим к вам.

После долгой паузы я отвечаю:

– Нет. Просто найди и скажи мне, где эта сука. Я к ней сам заеду в гости.

Я не знаю, что меня больше злит. То, что амеба, с которой я прожил шесть лет, вдруг показала зубы. Или то, что я, кажется, перегнул палку и у этой самой амебы вполне может поехать крыша. А если так, то одни боги ведают, что она сделает Машке.

– Вот, Владимир Борисович, я нашла... – лопочет администраторша.

– Ну, так выучи, блин! А то в следующий раз у тебя ребенка табор цыган уведет, ты и слова не скажешь.

Выхожу из садика к машине и невольно тянусь к бардачку, за сигаретами. Я не курил уже год, с тех пор, как начал бракоразводный процесс, а теперь вот что-то захотелось. Мерзкий привкус табака совсем не успокаивает, только еще больше раздражает.

Копаясь в смарте, ищу ее номер, который уже успел вычеркнуть из контактов. Но все еще помню последние цифры наизусть. Это уже жест отчаяния, но вдруг? Если бывшая не выбросила телефон, все будет совсем просто.

«Абонент временно недоступен. Пожалуйста, позвоните позднее».

Черт.

Новый поток ярости обрывает встречный звонок.

– Ну? – отрывисто говорю в трубку. – Нашел?

– Владимир Борисович, не так быстро. Мы съездили к той подруге, у которой она жила, но женщина сказала, что Ксения съехала пару недель назад. Куда, не знает. Влезли в ее гугл-аккаунт, посмотрели историю передвижений, сузили круг поисков, но пока ничего не нашли. Правда, в основном она не выходила за пределы центра. Мне бы список ее подруг и контактов, может, там кто живет.

– Да никого у нее нет, все подружки – одно название, курицы со свидетельствами о браке... так. Стоп. Я тебе перезвоню.

Меня вдруг осеняет идеей. Верить в нее не хочется, но чем черт не шутит. Отец и не на такое способен.

– Скажи-ка, пожалуйста, дорогой папа, не ты ли устроил моей бывшей женошке тепличные условия?

– По-моему, я не обязан отчитываться перед тобой.

– Конечно, нет, просто когда менты будут опрашивать всех по делу о похищении моего ребенка, хотелось бы узнать некоторые факты не от следака.

– Что? Машу похитили? То есть... как?! Я немедленно звоню...

– Ксюшечке своей позвони. И донеси до нее, что лучше бы самой вернуться вместе с моей дочерью.

- Ее забрала Ксения? - в голосе отца неподдельный шок. - Господи, что же ты творишь-то... довел девчонку!

- До чего? Развод - это не конец света, я ее пальцем не трогал, словом не оскорбил.

- Она приходила и просила только встреч с дочерью! Не требовала от тебя ни денег, ни имущества, только свидания с ребенком! И ты теперь удивляешься? Загнал девчонку в угол, а сейчас рычишь на всех, кто случайно мимо проходил?

- Ну уж ты-то не случайно мимо прошел. Ты ей квартиру снял?

- Я.

- Адрес скинь.

- Девку не трогай. Она в том, что у тебя мозги набекрень поехали из-за какой-то бабы, не виновата.

- Бабы у тебя в сауне по воскресеньям. Хоть бы имя ее запомнил, папаша, блядь.

- Володя, хочешь мстить - мсти мне. Девчонка тебе что сделала?

- Мы с ней сами разберемся. Адрес жду в сообщении. И я очень прошу, папа, очень: никогда больше за моей спиной не лезь в мои дела.

Через десять минут у меня уже адрес, и я сам еду туда, а через полчаса выхожу на улицу и снова закуриваю. Итак, у нее есть ноутбук. У нее есть откуда-то деньги (хотя не надо быть гением, чтобы понять, откуда). Она восстановила свидетельство о рождении Маши. Не летела самолетом, не ехала поездом, а значит, либо рванула на попутках, либо на автобусе. Ее карточки молчат, новых счетов в банках не открывала, по крайней мере не на себя. Подружка, у которой она жила, тоже не получала никаких переводов и я даже верю, что она не в курсе, где бывшая с Машей.

Итак, женщина, которую я всегда считал чем-то вроде табуретки, оказалась несколько умнее этой самой табуретки.

– Не переживайте, Владимир Борисович, – из дома выходит СБшник, – найдем девочку. Сейчас ребята обзвонят такси, получим записи с камер в районах сада и дома, опросим кассиров и людей на вокзале. Найдем, уже к утру пойдем, куда направилась.

Я стискиваю зубы. К утру она будет еще дальше, а если не дура, то найти ее с каждым днем будет все сложнее и сложнее. Если запас наличных позволит, она сможет прятаться долго. Рано или поздно ей придется легализоваться, устроить Машу в школу или садик, но я не могу ждать так долго.

Смотрю на фотку дочери в бумажнике и в голове вдруг возникает интересная мысль...

Ксюша

Гостиница, мягко говоря, так себе, и мне стыдно. За то, что жила, как принцесса, понятия не имея, что происходит вокруг, за то, что морщусь при виде душевой кабины, чистенькой, но старой, в некоторых местах покрытой водным камнем. Страх побега постепенно отпускает, а на смену ему приходит страх перед будущим, покрытым туманом неизвестности.

Но я должна справиться.

Городок очень маленький, тихий. Большая часть заведений уже закрыта, когда мы приезжаем, но мне и не хочется никуда идти. Машка клует носом, поэтому я захожу в ближайшую «Пятерочку» и покупаю нам вечерний перекус. Заботы о дочери успокаивают. Они – привычные и приятные дела из прошлого.

Я купаю и переодеваю Машу, пока принимаю душ сама, а потом мы читаем книжку. Дочь ест любимый творожок, я – сырную булку с кусочком ветчины и чашку растворимого черного кофе. Кровать в номере одна, а еще дует от окна.

– Мама, почитай пло мыфонка!

– Машунь, не говори с набитым ртом. И помнишь, что тебе говорила тетя-врач про букву «Р»? Надо стараться.

Машка облизывает ложку и довольно рычит. Она хорошая и ласковая девочка, тянется ко мне, ластится. Скучала по маме, а как же я по ней скучала! Безумно! Я готова сутками читать ей эту книжку, хотя в рюкзаке еще несколько, я не могу ее от себя отпустить.

Правда, все же приходится спуститься на ресепшен, чтобы спросить о замене номера.

– Извините, пожалуйста, – говорю сонной, но улыбающейся девушке, – а можно нам другой номер? В нашем очень дует от окна, я боюсь простудить ребенка. Хотя бы чтобы кровать была в другом конце комнаты.

– Сейчас посмотрю.

Девушка долго копается в ноутбуке, хмурится, что-то бормочет себе под нос, но в итоге сокрушенно качает головой.

– Я боюсь, последний свободный номер был только что забронирован. Но я сейчас скажу девочкам, они принесут вам несколько дополнительных одеял. Пожалуйста, покажите им, откуда дует, они закроют это место одеялом.

– Спасибо, – натужно улыбаюсь.

Мне хочется смеяться с собственной наивности. Вот такой он, отель две звезды. Вот такая свобода... разная она у нас с бывшим мужем.

Стоит отдать должное горничным: теплое шерстяное одеяло становится надежным щитом на пути холодного ветра от окна. Я все равно на всякий случай кладу Машу так, чтобы закрыть ее от сквозняка, но теперь уже не боюсь оказаться с простывшей дочерью на руках.

Переодеваюсь в легкое домашнее платье-рубашку и ложусь на свою половину кровати. Тело приятно ломит, усталость и напряжение сменяются расслабленностью. Так хорошо мне не было уже год.

- Мамочка... - Машка пыхтит и лезет под бок.

А еще она очень любит играть с моей рукой. Водит крошечными пальчиками по ладошке, что-то бормочет и смеется, когда я осторожно щекочу ее ногтями. Помимо этого неизменный спутник дочки - плюшевый динозавр, и он такого размера, что в темноте мне кажется, что у меня два ребенка.

- А что мы будем делать завтра?

- Проснемся, потом пойдем завтракать. Найдем вкусное кафе и съедим там что-нибудь. Потом погуляем, посмотрим, что в этом городе интересного, купим тебе теплую кофточку, а то что-то ты у меня легко одета. А потом поедем дальше.

- А куда?

- В город, где мы будем жить.

- А там класиво?

- Конечно.

- А как же мое лисование?

- Солнышко, мы тебе найдем кружок по рисованию, ты ничего не пропустишь.

- Холошо-о-о. - Маша сладко зевает.

- Ну-ка, порычи на маму перед сном.

- Р-р-р-р!

- Молодец. Сладких снов, счастье мое.

- Не уезжай больше, мамочка.

Обнимаю ее, перебираю мягкие волосики и думаю, что плакать совсем не хочется.

- Не уеду. Никто тебя у меня не отберет, ни за что и никогда.

Больше всего я боюсь, что не смогу уснуть. И в мыслях снова поселятся воспоминания из прошлой жизни. Или тревоги из настоящей. Но, едва Маша засыпает, я тоже отключаюсь. Ночь накануне я почти не спала, да и весь этот год прошел, словно в тумане.

Я всегда следила за здоровьем. Проходила медосмотр, курсы массажа, профилактику, детоксикацию. До развода я понятия не имела, что давление вообще хоть как-то способно оказывать влияние на состояние. А через пару недель после переезда из дома вдруг в полной мере прочувствовала гипотонию.

Я была красивой, здоровой, заботливой, тихой. Но что-то упустила, что-то, что заставило мужа возненавидеть меня со страшной силой. Я знаю, что причина есть. Не хочу верить, что столько лет жила рядом с чудовищем.

Присутствие дочки успокаивает, мне не снятся кошмары, я по-настоящему отдыхаю, наслаждаясь часами сна. За окном то и дело проезжают машины, свет их фар проходится по потолку.

- Мама... мамочка!

Я просыпаюсь от того, что Маша трясет меня за руку.

- Что такое, милая?

- Я пить хочу.

Бутылочка с водой лежит у меня под подушкой, в комнате довольно жарко: отопление уже включили, а морозы еще не пришли.

- Напилась?

- Спасибо!

- Ложись поспи, еще ночь.

- А сколо утло?

- Утр-р-ро!

- Убрь-рь-рьо!

- Почти, - улыбаюсь. - Скоро.

- И мы пойдем гулять?

- Обязательно.

Дочка ворочается, устраиваясь поудобнее. Мне кажется, если выкинуть динозавра, места нам будет больше, но такое смерти подобно. Игрушку мы не отпустим ни за какие детские радости.

- Мамочка...

- Что, Машунь?

- А папа к нам приедет?

- Приедет.

И говорю это совсем не я. Темнота скрывает человека, стоящего в крохотном коридорчике номера, лишь свет от очередной машины на секунду выхватывает его силуэт. Горло сводит от ужаса, я сажусь на постели и хоть не вижу его глаз, чувствую ненависть.

Из темноты на меня смотрит мой личный дьявол.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Владимир

Сколько я здесь стою? Достаточно долго, чтобы рассмотреть в причудливых тенях собственных демонов. Сначала убеждаюсь, что дочь в порядке, хотя о каком порядке может идти речь, если щели в окне заткнуты старым пожраным молью одеялом? Бывшая собиралась растить ребенка в таких условиях, не имея ни работы, ни денег? Тогда я зря подумал о наличии у нее мозгов.

Зато в достатке всего остального. Это почти открытие, до сих пор типично мужским взглядом я на нее не смотрел, только холодно и рационально оценивал, можно ли выйти с женой в люди. Как правило, можно, но и только.

За год она поменялась. И волосы эти ее... мне кажется, в комнате отчетливо пахнет вишней. Хотя, наверное, это какой-то идиотский бальзам для рожи или шампунь. Я вспоминаю вишню на асфальте, под колесами моей машины, и внутри кипит злость. Мне хочется раздавить бывшую, уничтожить просто за то, что посмела бросить мне вызов.

И вот она смотрит своими огромными глазами, сидя на постели, не замечая, что рубашка слишком сильно задралась, в глазах ужас, и я в нем купаюсь. Впитываю, как губка, смешиваю с яростью и возвращаю – я знаю, что бывшая чувствует, я и сам почти физически ощущаю ее страх.

– Как ты нас нашел? – онемевшими губами спрашивает она.

– По ноутбуку.

– Он не мой. Я взяла его в квартире, которую снимала. И оставила деньги с извинениями.

– Вот если бы не оставила, смогла бы сбежать. У всех макбуков есть функция геописка. Я связался с хозяином, он дал пароль от айклауда – и определил, где ты, с точностью вплоть до дома. Ты никогда не разбиралась в технике.

Стискивает зубы и молчит, но взгляд не отводит. Почему-то этот явный вызов рождает во мне желание схватить бывшую и как следует встряхнуть.

- Ты хоть понимаешь, что я с тобой сделаю после такого?

Она подсакивает с постели и бросается ко мне. Отчаянный жест, я бы сказал, безрассудный.

- Володь, давай поговорим спокойно, я так не могу...

- Не можешь? Смотри-ка, пока меня не было, могла, а как появился, сразу не можешь? Нет, милая, тебя никто за руку не тянул, ты сама решила, что можно взять и меня нагнуть, свалить с моим ребенком!

- Это и мой ребенок!

- Теперь точно нет.

Ее рука взлетает вверх, и я получаю хлесткую пощечину. Не болезненную, скорее неприятную.

- Не смей отбирать у меня дочь!

Я отталкиваю бывшую и... черт, я не собирался делать это с силой, но Ксения, кажется, почти ничего не весит. Налетает на стену спиной и морщится, а меня захлестывает новой волной злости. Я делаю один шаг, один крошечный шаг в ее направлении, и горьким ядом внутри отзывается ее взгляд, неуловимая попытка сжаться в комочек.

- Думаешь, я тебя ударю?

Не выдерживаю, касаюсь вишневых волос, просто чтобы проверить, такие ли они мягкие на ощупь, какими кажутся.

- Нет, милая, я не бью тех, кто слабее. Я придумаю что-нибудь другое. Но ты обязательно со мной расплатишься, потому что из-за тебя я был вынужден ехать к черту на рога за ребенком. Сейчас мы ляжем спать, а завтра уедем, и больше

ты к моей дочери на километр не подойдешь. А если попробуешь сбежать сейчас, то я свяжу тебя и оставлю спать в кузове машины, прямо на свежем воздухе. Я очень мечтаю это сделать, даже пикап специально взял.

– Ненавижу тебя! – не то рычит, не то шипит бывшая, а я запускаю пальцы в ее волосы, вдыхаю этот гребаный вишневый аромат и что-то внутри обрывается, короткая вспышка ярости сносит последние бастионы самоконтроля – мой кулак ударяется в стену прямо рядом с ее головой.

Боль отрезвляет, а рев, доносящийся с кровати, возвращает в реальность.

– Здесь же Маша! – всхлипывает бывшая.

Я оказываюсь возле постели раньше нее, сгребая дочь в объятия и замираю. Долбоеб. Как есть долбоеб, слов других нет и не будет.

– Тихо, Маш, не плачь. Не бойся. Это просто муха на стене сидела, кусачая.

Господи, что я несу? Какая, блядь, муха?!

– Испугалась? Машка, ну-ка, посмотри на меня. Что ты испугалась?

– Ты обиделся, что мы не взяли тебя с собой путешествовать?

– Нет, конечно, я не обиделся. Мы просто с мамой поссорились, но уже помирились. Немножко поругались. Как ты на своего динозёвра ругалась, помнишь, когда он все шоколадные конфеты из новогоднего подарка съел?

– Мама съела все конфеты?

– Нет, просто мама у нас очень забывчивая, она забыла предупредить папу, что заберет тебя из садика и папа испугался, что ты пропала.

Смотрю на бывшую и мечтаю, чтобы она испарилась. И еще о стакане вискарря или коньяка, но наутро придется опять четыре часа гнать до дома, так что обе мечты разбиваются вдребезги.

– Иди-ка сюда, – говорю Ксении таким голосом, что у нее не возникает мысли спорить.

Усаживаю ее рядом на постель и обнимаю за талию под внимательным и настороженным взглядом дочери.

– Вот видишь? Мы больше не ссоримся. Давай-ка ляжешь еще поспать, а то завтра на рисование не успеешь, все проспичь. И динозёвр твой устал, вон, сонный какой.

Дочь сворачивается клубочком, обнимая игрушку, а я глажу ее по голове. Потерять Машку – один из кошмаров, которые преследуют меня почти год. Я не знаю, что буду делать, когда она вырастет. Не знаю, как оградить ее от всех, кто может ударить в спину.

От таких, как я, например.

Маша быстро засыпает, и я выдыхаю. Она не должна всего этого видеть. Она и мать почти забыла, изредка спрашивая, куда она уехала и когда вернется, но быстро удовлетворяясь любым моим ответом. Если бы не этот выверт, к школе дочь бы и не вспоминала, что когда-то я жил с ее матерью.

Снова злюсь. Снова думаю совсем не о том, о чем должен, и пока этой злости не будет дан выход, не успокоюсь. Поэтому оставляю в комнате видеоняню, прихваченную из дома, и беру бывшую под локоть.

– Пошли, побеседуем.

Она пытается вырваться, но наши силы не просто не равны, по сравнению со мной она – новорожденный котенок. Я снял номер напротив них, да что там – я забронировал ВСЕ свободные номера, чтобы ни одна сволочь не влезла в мои дела. Пришлось дать администраторше пятерку, чтобы она дала ключ от комнаты бывшей.

– А ты похудела. Год назад ты у тебя хотя бы были сиськи.

– Как возвышенно. Не придумал более изящного оскорбления? Ты же, вроде, из приличной семьи.

– Это не оскорбление, это констатация.

– Единственная констатация, которая меня порадует – это констатация твоей смерти.

Она действительно поменялась. Или всегда была такой, а я не замечал? В этой девице, острой на язык, обозленной, готовой драться до последней капли крови, нет ничего общего с бесцветной богатенькой наследницей, что шастала по дому и пыталась изображать идеальную жену.

– Садись, – я киваю на постель, – будем разговаривать по-другому.

Бывшая складывает руки на груди и отходит к стене, всем видом демонстрируя, что по моим правилам не играет. Меня это даже веселит, хотя, казалось бы, поводов для веселья нет.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Что?

– Сколько тебе надо денег, чтобы ты навсегда забыла о моем существовании.

– Да я доплатить готова, чтобы это случилось! Отдай мне дочь – и будь уверен, ни секунды своей жизни я не проведу, вспоминая о тебе!

– Нет, милая, так не пойдет. Дело в том, что я не хочу тебя больше видеть. Ни вообще, ни рядом с дочерью. И, раз уж твой папочка оставил тебя с голой жопой, предлагаю выгодную сделку. Я тебя содержу, а ты... превращаешься в холостую бездетную девочку, которая верит, что бабло падает с неба. Все очень просто, все как ты привыкла. Назови сумму. Можешь ежемесячную, если боишься проебать все сразу.

– Пошел ты! – рычит Ксения.

– И ругаться научилась. Но ты подумай хорошенько. Что ты будешь делать с ребенком? Что ты ей дашь? Чем заплатишь за учебу? За еду? Во что оденешь? Какое образование дашь? ПТУ маникюрщиц, блядь? На панель пойдешь? Так у тебя опыта мало, ты как бревно в постели.

– Как же ты тогда спал со мной, если я такая ужасная и ненавистная?!

Эта фраза становится спусковым крючком, и я в одно мгновение оказываюсь рядом с бывшей, вжимаю ее в стену и слышу испуганный тихий всхлип. Вся ее смелость улетучивается, а меня снова накрывает вишневым запахом. С удивлением я чувствую, как напрягается член, смотрю на дрожащие губы и до дрожи хочу прикусить их, заткнуть ее рот, заставить замолчать.

– Хочешь узнать, как я с тобой спал? Уверена, что это разумное решение, милая?

– Пусти меня! Мы говорим о ребенке, а не о...

Я смеюсь, запрокинув голову, а руки сами медленно ведут по ее бедрам, приподнимая тонкую ткань платья.

– О чем? О сексе? Что, не можешь вспомнить, когда в последний раз трахалась? Хочешь, я напомню? Когда это было? Года два назад? Или полтора? Ты не отмечала дни в календарике?

– Хватит!

Она прячет глаза, из которых на щеки проливаются две дорожки слез, бьется, пытаюсь вырваться на свободу, но не может сдвинуть меня и на миллиметр. Кровь закипает, словно у меня поднимается гребаная температура. Реакция на бывшую одновременно злит и пугает, но силы воли, чтобы выпустить ее из стального захвата нет. Запускаю пятерню в волосы – и вишней пахнет сильнее.

Я чувствую себя последней мразью, но ее очередной полувздых-полувсхлип отзывается ноющей болью неудовлетворенности.

Хрен тебе, Никольский. Не смей к ней прикасаться. Не смей ее целовать, это последняя женщина на Земле, которая способна доставить тебе удовольствие.

Только не она. Тысячи шалав кинутся, роняя тапки, едва ты поманишь кошельком, отсосут причмокивая. А эта тебе не нужна, эту ты выбросил из дома и поклялся себе никогда больше не касаться ее даже мельком.

- Володь... прекрати... я тебя прошу, ты же не сволочь, я же знаю тебя, ты Машку любишь... я ее мама, я без нее жить не могу, я... я без тебя жить не могла, что я тебе сделала, ну что?! Я же не просила ее забрать, я видеть ее хочу... ну пожалуйста, ну хоть раз в недельку... у меня никого больше нет. Только Машенька. Что ты творишь?

Поднимает голову, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

- Мне страшно рядом с тобой. Ты не тот человек, за которого я выходила.

- Наконец-то до тебя это дошло.

Гори оно все, блядь, адским огнем. Все обещания себе, все принципы, самоконтроль туда же. Я рывком расстегиваю рубашку, пуговицы осыпаются на пыльный, местами прожженный ковер.

Бывшая смотрит, не отрываясь, на мою грудь и руку. Туда, где черные узоры покрывают кожу. Ее взгляду словно вторит кислота, она разъедает изнутри, требует облегчения, хотя бы временного.

- Ты сделал татуировку. Давно?

Это не ее дело. Не ее забота, она вообще не должна была увидеть татуху, я делал ее совсем не для нее. Но почему-то сейчас стою и жду, вместо того чтобы получить все, что захочу, доломать эту гребаную куклу и выбросить на свалку, в кучу таких же, как она.

Снова смотрит своими огромными глазами, в которых еще стоят слезы.

- Что с тобой происходит? Ты не только меня мучаешь, ты себя мучаешь...

Я больше не могу ее слушать. И затыкаю ей рот жестким поцелуем.

Чувствую себя безумцем. Когда разум вопит одно, а тело само принимает решения. Я никогда ее не целовал с желанием. Дежурные поцелуи на людях или в редкие моменты близости не в счет, я не хотел чувствовать ее вкус. Мягких, упругих, сладких. Бывшая не может бороться со мной, хоть и пытается, я не просто сильнее, я сейчас обладаю неограниченной властью. В коктейле с ненавистью и болезненным желанием она пьянит.

Целую жадно, с напором, отбирая у нее последние крохи дыхания. Вкладываю в поцелуй все, что не могу сказать, всю злость на то, что эта женщина существует. В жизни и в моей голове. На то, что ебанный вишневый запах не дает покоя, что она стоит, вжавшись в стену, а я не могу от нее оторваться.

Сжимаю волосы на затылке, свободной рукой приподнимаю подол ее платья. Веду по нежной коже бедра, вдоль края тонкого кружева. Ксения всхлипывает, пытаюсь меня оттолкнуть, но я уже чувствую жар ее тела, и мне смешно. Оторвавшись на миг от нее губ, я смеюсь, а она жадно хватается ртом воздух.

– Отпусти меня!

– Придется попросить убедительнее!

Пробираюсь рукой под платье, сжимаю грудь. Твою мать... что я творю? Но остановиться уже не в силах, я опьянен властью. Сжимаю напряженный сосок и губами ловлю жалобный всхлип.

Глупая дурочка. Готов поспорить на что угодно, она еще надеется, что я оттаю. Что сейчас она ответит на поцелуй, неумело, осторожно – и я тут же превращусь в мужика из ее мечты. Который целует ее перед работой и трахает под одеялом с выключенным светом по воскресеньям.

Размечталась.

Я толкаю Ксению на кровать и тут же вжимаю в постель своим телом, не давая ни шанса ускользнуть. Полные яркие губы опухли от поцелуев, а платье задралось, обнажая бедра.

– Мне кажется, ты возмущалась, что я трахаю других баб. Не показалось? Хочешь, покажу, чего я жду от них?

Расстегиваю пряжку ремня и брюки, выпуская на свободу член, сил превозмогать возбуждение уже нет, я как будто не трахался несколько месяцев и впервые увидел голую бабу... блядь, да она даже не голая, в каком-то идиотском дешевом платье!

– Сожми его, – голос получается хриплый, будто не мой.

Хватаю ее запястье, заставляя положить ладошку на возбужденный орган, и перед глазами рассыпается сноп искр. Меня словно бьет током. От боли, смешанной с наслаждением, я снова набрасываюсь на ее губы, кусаю – и вдруг чувствую слабый вкус крови, который пугает даже меня.

Опускаю руку вниз, проникаю под кружево и с силой касаюсь напряженного влажного клитора, вырывая у бывшей тихий исступленный стон. Ласкаю губы языком, зализывая собственный укус.

– Тебе придется мне помочь, милая. Или я кончу с твоей помощью, или придется тебя трахнуть.

– Ненавижу тебя...

– Я чувствую, как ненавидишь. Так ненавидишь, что влажная и горячая. Ну что ты? Ты же хотела, чтобы я с тобой, как с ними? Чтобы от души?

Снова запускаю руку в волосы. Не могу от них оторваться. Рассыпавшиеся по покрывалу, темно-вишневые, поселившиеся в моей башке с того момента, как я их увидел.

– Вот такая она, моя душа. Подумай хорошенько, хочешь ли ты в нее и дальше заглядывать.

Мне надо немного. Несколько ее движений рукой, чтобы накрыло, чтобы окончательно отключился мозг под дикую фантазию о том, как я вбиваюсь в ее тело, чувствую сладкие спазмы.

Я не знаю, что со мной происходит. Не понимаю и не хочу понимать, почему женщина, которую я игнорировал шесть лет, вдруг оказывает на меня такое влияние, но я хочу победы. Окончательной, абсолютной власти над ней. Мне мало кончить, я хочу видеть ее противоречивое удовольствие.

Это несложно, если понять, на какие точки давить, а я, кажется, понял. Иллюзия нежности способна творить чудеса, мне стоит только прикоснуться к ее губам чуть невесомее, подарить дебильный, но так любимый бабами, поцелуй без языка, медленный, неторопливый. Подарить наваждение, будто ненависть испарилась, будто ничего, кроме желания между нами не осталось, словно ненависть с каждым новым ударом сердца исчезает.

И бывшая выгибается в моих руках, отданная во власть моих пальцев. От ее ненависти и показного равнодушия ко мне не остается ни клочка. Сегодня я победил. А новой битвы не представится, утром я возьму дочь и уеду, и больше никогда не увижу бывшую, а все, что сейчас произошло, похороню в памяти навсегда.

Не запомню ее такой. Оставлю в памяти образ холодной суки, вытравив эту картину, каленым железом выжгу воспоминания о том, как она затихает подо мной, положив ладони на грудь. Навсегда запру в самых дальних глубинах сознания гребаную мысль о том, какой беззащитной выглядит девушка в постели и как легко совершить непоправимое, выпустив зверя наружу.

Ненавижу Ксению теперь и за эту ее трогательную усталость.

Не-на-ви-жу. Повтори, блядь, Никольский это еще сто раз, вытатуируй на лбу!

– Ну, вот и молодец, – говорю я, и хоть удастся вернуть насмешливые нотки в голосе, он еще хрипит. – Можешь остаться здесь. Номер оплачен.

Поднимаюсь с постели и иду в ванную, чтобы привести себя в порядок. А после возвращаюсь в спальню за курткой. Достая из бумажника пару купюр и бросаю на постель.

– На обратную дорогу. Хотя лучше сделай единственно правильную вещь – купи билет в один конец куда-нибудь подальше.

Впрочем, на то, что она последует совету, я уже не надеюсь. В тот момент, когда я разрешил себе прикоснуться к этой женщине, я сошел с ума.

Ксюша

В студенчестве я считала часы сна. Ложилась к двум и подсчитывала: осталось спать четыре часа. Или пять, если забить на укладку и макияж. Или целых восемь, если забить на первую пару и доехать спокойно, без пробок и столпотворений.

А сейчас я считаю часы до разлуки с дочерью. Только меня от нее отделяет целый коридор, который кажется невыносимо непреодолимым препятствием. Владимир оставил (случайно или намеренно, сказать не возьмусь) видеоняню, и я с жадностью смотрю за Машей на экране планшета.

Если бы час назад мужчина, который сейчас выглядит, как образцовый папаша, не вытащил из меня душу и не провернул ее в мясорубке, я бы умилилась тому, как дочь жмет к отцу, как греется об его бок и сладко посапывает. А ведь они похожи. Носы совершенно одинаковые и улыбки тоже. Правда, искреннюю улыбку Володи я не видела уже очень давно, но еще помню ее.

Что с ним происходит? Почему он так жесток? Ответ где-то существует, Вселенная его знает, но не спешит открывать мне.

Я до сих пор чувствую на себе его руки. Губы. Ощущаю запах. Тело ломит от накативших эмоций, а руки подрагивают даже после долгого контрастного душа. Ни за что на свете, ни под какой пыткой я не признаюсь, что удовольствие от прикосновений мужчины оказалось для меня открытием. Что я испугалась собственного тела, отдавшегося во власть мужчины, которого я ненавижу, который причинил столько боли, что сердце ноет совсем не фигурально, а по-настоящему, чуть заметно, где-то за грудиной.

Нужно готовиться к новому бою. Не позволить ему увезти Машу, достучаться до того человека, который на несколько минут из последней сволочи превратился в мужчину, способного на нежные касания и поцелуи.

Неслышно я проскальзываю в номер, где спят Маша с бывшим. Мне страшно, что Владимир проснется и выгонит меня, поэтому я даже дышу через раз. Я ничего

плохого не делаю, я просто смотрю, просто...

Чтобы если вдруг я все же проиграю, хотя бы еще несколько часиков провести рядом с дочкой.

А может, я им и вправду не нужна? Муж способен дать ей все. Образование, медицину, развитие, путешествия, карьеру. А я? Что будет делать Машка со мной? Ждать меня до поздней ночи, пока закончится смена в супермаркете? Ходить в бесплатную школу в поселке городского типа? Подрабатывать промоутером, чтобы оплатить занятия у репетитора перед ЕГЭ?

Маша была сыта, одета, счастлива, у нее были няня, элитный детский садик и личный водитель. И тут пришла я, вырвала ее из привычного мира, увезла черт знает, куда, испугала, оторвала от отца, которого она все же любит. Я сделала то же, что сейчас делает бывший. Мы тягаем дочь, как дорогую игрушку, а сами смотрим друг на друга, не обращая внимание ни на что.

И если я сейчас уйду, я сдохну, наверное, одна не выживу, зато Маша не будет видеть того, что увидела сегодня. Никольский победит, а что будет со мной, в сущности, неважно.

Сажусь на пол возле постели, осторожно протягиваю руку и убираю со лба своей девочки непослушную прядку волос.

– Прости нас, солнышко.

Я не знаю, как будет лучше. Я не знаю, должна ли уйти. Но мне хочется хоть как-то помочь ей... им обоим.

Засыпаю прямо здесь, положив голову на постель. Последняя мысль прежде, чем меня поглощает темнота – позвоночник за такую ночевку спасибо не скажет. Но я измотана до предела и сопротивляться сонливости не могу.

Просыпаюсь с трудом, тяжелой головой и странным чувством тревоги в груди. Открыв глаза, первое время я не понимаю, что происходит, и где я нахожусь, а потом понимаю, что лежу на постели, и не просто на постели, а на том месте, где спала Маша. Но сейчас ее здесь нет.

У меня вырывается испуганный стон, и только подскочив, я вижу Владимира. Он как раз собирает Машины игрушки, без которых она отказывается выходить из дома.

– Где Маша? – спрашиваю я.

– В машине.

Пытаюсь сползти с кровати, но вдруг накрывает странным ощущением. В районе солнечного сплетения с каждой секундой сильнее разливается страх. Это иррациональный ужас, химическая реакция, не имеющая ничего общего с испугом. Нечто подобное я несколько раз испытывала во время развода, и сейчас знаю, что будет дальше. Только совсем от этого не легче.

Страх химический запускает цепную реакцию, меня начинает бить мелкая дрожь, а пустой желудок сводит приступом тошноты. Я пытаюсь подняться, мне нужно выйти к машине, увидеть дочь, но сил хватает лишь на несколько шагов.

– Вов... мне нехорошо... не уезжайте...

– Угу, конечно.

– Володь, я тебя прошу...

– Нехорошо – полежи. Номер оплачен, отлежишься и поедешь, куда тебе там надо.

Меня пугает и то, что я не увижу Машку, и то, что он оставляет меня в таком состоянии. Я уже не могу нормально дышать, хоть и стараюсь делать глубокие вдохи. Это или снова упавшее до плинтуса давление, или просто какая-то паническая атака, но в ушах все шумит, а голова кружится даже от простого движения.

Дверь за Никольским закрывается, и меня снова выворачивает наизнанку. В голове бьется только одна лихорадочная мысль: я должна выйти. Вдохнуть холодный воздух осени, остановить как-то лавину страха, посмотреть на дочь. Я медленно бреду вдоль стенки коридора, не обращаю внимания на сонную

девушку с ресепшена, вырываюсь на улицу и жадно всматриваюсь в группу машин на стоянке. Ищу знакомый пикап.

Он медленно выезжает по направлению к дороге. Я не могу рассмотреть в салоне Машу, перед глазами все плывет. Оседая на землю, я молю мироздание лишь о том, чтобы он вернулся. Я боюсь оставаться одна.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Владимир

При дочери ругаться нельзя, но у меня все равно вырывается короткий емкий возглас сквозь зубы. К счастью, Маша занята планшетом и за веселенькой музыкой не слышит никаких внешних раздражителей. Ну а я давлю на тормоз.

Думал, она притворяется. И до сих пор так думаю, но хрен ее знает.

– Машунь, посиди еще в машине, ладно? – прошу дочь. – Папа кое-что забыл в гостинице.

– Холошо!

– Маша, р-р-р!

– Р-р-р!

– Молодец. Не скучай.

В это время на улице никого, видеонаблюдения за крыльцом в такой дыре, естественно, нет. И если эта... не симулянтка, то с нее станется склеить ласты на крепком осеннем морозе.

Когда оказываюсь рядом, понимаю, что не притворяется. Ну, или я не заметил в жене актрису, и через пару лет ее лицо будет бесить меня с рекламных афиш.

Подхватываю ее на руки, частью сознания удивляясь, как можно почти ничего не весить, и захожу обратно в отель, где администратор с открытым ртом вскакивает из-за стойки.

- Скорую вызови, - бросаю ей. - Будем в сто третьем. Как вызовешь, быстро на улицу, следи за пикапом, чтоб с ребенком ничего. Ясно?

- Д-да...

- Наташтырь есть?

- Н-не знаю...

- Значит скорую, быстро!

В машине есть аптечка, но я не хочу лезть туда, где нихрена не понимаю. Может, у нее поднялось давление, может, опустилось, а может, это еще какая-нибудь хрень. Хотя какая может быть хрен у двадцатипятилетней девахи? Если бы у нее были проблемы со здоровьем, я бы знал. Или нет?

Беру ее запястье, и меряю пульс. Минута длится бесконечно долго, но сердце бьется размеренно, спокойно. Дыхание глубокое и, кажется, Ксения просто спит. В комнате душно, на всякий случай я открываю окно. И жду, стою возле него, вслушиваясь в звуки улицы. Хочется закурить, но пожарка на потолке наверняка разорется.

Я как будто пытаюсь выплыть на поверхность, а что-то тянет вниз. Сначала свои мысли, ебанутое, возникшее хрен знает откуда, желание. Теперь этот ее обморок. Каждый раз, когда я думаю, что больше никогда с ней не увижусь, что-то разворачивает меня на сто восемьдесят градусов и снова заставляет смотреть в лицо прошлому.

Меряю комнату шагами. Стараюсь не смотреть на постель, потому что даже спящая, она выводит меня из равновесия. Проклятая вишня въелась в организм, вместо крови - вишневый сок, и запах, запах... ощущение прохладной кожи на пальцах как контраст с воспоминаниями о коже горячей, изнемогающей в жажде моего касания.

Когда входит врач, я несколько секунд не очень понимаю, что он здесь делает, и где я вообще нахожусь.

- Что случилось?

- Девушка в обморок упала.

- Диабет есть? Эпилепсия? Другие хронические заболевания?

Меня отстраняют от постели, и фельдшер меряет бывшей давление, светит фонариком в глаз и всячески изображает из себя крутого доктора.

- Понятия не имею, - отвечаю я.

- Документы есть? Паспорт, полис?

- Вон ее сумка, посмотрите там.

- А вы девушке кем приходитесь?

Смотрю, как фельдшер поднимает ее платье, чтобы осмотреть живот, и внутри поднимается жгучая волна непрошенной ревности. Меня бесит то, как он касается ее тела, бесит даже то, что просто смотрит на нее, и лишь каким-то чудом получается сдержаться.

- Мужчина-а-а... я спрашиваю, девушке кем приходитесь?

- Никем. Просто ехал мимо.

- Ясно, Сань, за носилками бегом.

- Увезете?

- Да, на всякий случай обследуем. Девушка худенькая, может, просто переутомление, а может... ну мало ли, в общем.

- Помощь еще нужна?

- Нет, справимся. Спасибо за звонок.

Оглядываюсь, убеждаясь, что никто не греет уши, и достаю из внутреннего кармана куртки две оранжевые купюры и визитку.

- Слушай, будь другом, как обследуют ее, узнай там все, какой диагноз, все дела
- сбрось мне смску.

- Зачем? - удивленно моргает фельшер.

- Блядь, ну что ты как маленький. Мы в ответе за тех, кого подобрали.

- А-а-а... ладно, смсну.

- Забудешь - найду, - предупреждаю я.

А потом направляюсь к выходу. Слишком быстро для постороннего сердобольного прохожего. Не хочу, чтобы она пришла в себя и снова попросила остаться.

Ксюша

- Девочка-то у вас кушать пойдет? - слышу я через плотное марево сна.

С трудом открываю глаза и вижу рядом с постелью полную улыбающуюся женщину в белом переднике и поварской шапочке. Пытаюсь сообразить, что ей от меня нужно и это недоумение отражается на лице, потому что она поясняет:

- Кашка сегодня, манная, вкусная!

Ах, черт, точно, больница. Весь вчерашний день прошел в тумане. Машина скорой помощи, приемный покой, палата, осмотр врача, какие-то процедуры и обследования. Ну и спасительный укол, от которого я отрубилась и проспала бы еще пол дня, если бы не разносчица из столовой.

- Сейчас, - сонно бормочу я и плетусь умываться.

На удивление, больница довольно приличная для маленького города. Стыдно признаться, но, обладая хорошим здоровьем и богатым мужем, я ни разу не прибегала к услугам ОМС. И сейчас чувствовала себя словно на экскурсии.

Столовая - громко сказано, скорее это закуток со столиками и окошком раздачи. Еду откуда-то привозят, ровно необходимое количество порций, а затем раздают в отведенные часы. Диабетикам полагаются несладкий чай и несладкая каша, но когда я прошу несладкий завтрак, получаю отказ. Нет диабета - пей из общего котла. Поэтому я заставляю себя есть, сижу и впихиваю ложку за ложкой, под конец даже думаю, что не так уж противно. Остывший сладкий чай, конечно, ужасен, но каша вполне ничего, хотя манку я не ела даже в самом глубоком детстве.

Но мне сейчас не по статусу возмущаться.

Я возвращаюсь в палату. Нужно позвонить Вере, я обещала, но хочу дождаться обхода, чтобы выяснить, могу ли я идти домой. Разговор с врачом я помню смутно, но даже из этих обрывочных картин делаю вывод, что ничего серьезного со мной не случилось. Я мало ела, мало спала, много нервничала и несколько часов провела в неестественной позе, сидя у постели.

Мне нужно несколько дней покоя и тишины. Правда, у меня их нет, но врачу об этом знать необязательно.

Вместе со мной в палате три женщины. Одна, по-видимому, серьезно больна, она почти не встает и тяжело дышит. Одна без конца щебечет по телефону и постоянно делает селфи, а третья невыносима, ее постоянное нытье, перемежающееся матом, действует мне на нервы. Чтобы не сорваться, я надеваю наушники и закрываю глаза.

Громкая музыка немного успокаивает, но я все равно лихорадочно ищу хоть какой-то способ повлиять на Владимира. Правда, теперь я не уверена, что он просто так это позволит. И чем сильнее я буду давить, тем больше он сделает мне. А если запаса не хватит? Если я сломаюсь раньше, чем отвоюю право на дочь?

Кто-то трясет меня за плечо. Открыв глаза, я вижу доктора. Довольно приятной наружности, молодого, вряд ли ему есть сорок. Он смотрит внимательно и терпеливо ждет, пока я убегу айпод и сяду на постели.

– Ну что ж, Ксения Валентиновна, здравствуйте, меня зовут Олег Ермошин, я – ваш лечащий врач, кардиолог.

– Кардиолог? У меня что-то с сердцем?

– Ну, вы ведь в кардиологии, странно встретить здесь, скажем, ортопеда, правда? Не волнуйтесь, с вашим сердцем все в порядке. ЭКГ в норме, сегодня сделаем ЭХО КГ, ЭКГ с нагрузкой, а завтра сдадите кровь. Я не вижу никаких патологий, ну, кроме легкой степени истощения и невроза. У вас все в порядке, стрессы есть?

– Есть. Развод непростой.

– Понятно. Тогда еще назначу консультацию у невролога.

– Извините, – перебиваю его, – а можно мне домой?

– Ксения Валентиновна, надо бы обследоваться. Проблем я у вас не вижу, но в обморок просто так не падают, это сбой в организме. Хорошо, если причина лишь в том, что вы не позавтракали и перенервничали, но если это что-то серьезное? Будь моя воля, я бы назначил МРТ, но у нас его можно ждать годами. Вы шейный отдел проверяли?

– Я все сдам, дома! У меня есть ДМС в хорошей клинике, там и МРТ, и КТ и «тэдэ». И кровь сдам. Просто мне бы хотелось... то есть, я у вас по работе, в городе нет никого, а дома все это проще.

– Ну что ж, я вас задерживать не могу, напишете отказ – и свободны. Но Ксения Валентиновна... может, до завтра останетесь? Узи сделаете, я вам невролога приведу, очень хороший специалист, отвечаю, сам лечусь.

Невозможно не улыбнуться в ответ, и я соглашаюсь. В конце концов, он прав, если невролог сможет найти волшебную таблетку, которая сделает меня если не

сильнее, то хотя бы выносливее – стоит поговорить.

– Хорошо, давайте до завтра.

– Вот и чудесно. Так, беременности были?

– Одна, в двадцать лет.

– Хорошо. Проблемы с сердцем? Хронические заболевания?

– Ничего нет.

– Давайте давление померяем.

Когда он закачивается и записывает мои «космические» 120/80, я решаюсь спросить:

– А кто меня привез сюда?

– Скорая.

– А скорую кто вызвал?

– Не знаю, коллеги говорили, какой-то прохожий. А что?

Сердце болезненно сжимается, и я отворачиваюсь, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– Нет, ничего. Все в порядке.

– Тогда сделаем так, я вам назначу витамины для мозга, кое-что для сердечка, даже если выпишитесь – пропейте обязательно. И еще, пожалуй... хм... так, давайте попробуем вот это вот, а завтра невролог, если что, отменит или поменяет. Хорошо? Выздоровливайте, Ксения Валентиновна. Если что, я в ординаторской.

Он вдруг наклоняется и шепотом говорит:

– Если соседка совсем достанет, заходите на чай, я сегодня на сутках. А она достанет, поверьте.

Я фыркаю, и тут же с соседней койки доносится:

– От ты посмотри, блядский Путин, до чего страну довел!

– А чай без сахара? – спрашиваю я.

– Иногда и без заварки. – Врач усмехается и направляется к соседке.

Женщина напротив продолжает общаться с телефоном. Ее «Привет, девчао, с вами сегодня ваш любимый бьюти-блогер!» то и дело сбивает врача с мысли и наконец он не выдерживает:

– Диана Алексеевна, звезда вы наша сетевая, помолчите вместе со своими девчао хоть пару минут, дайте я сердце человеку послушаю!

Блогерша обиженно дует губы, а идея заскочить на чай мне нравится все больше и больше.

Пока меня не отправили на узи, выхожу в холл, чтобы позвонить Вере. Розеток в палате почти нет, а единственная рабочая находится так далеко от моей койки, что оставлять там телефон просто страшно. Ноутбук, хочется верить, надежно спрятан в тумбочке, среди вещей. Сначала я хочу выбросить его, злюсь на свою глупость, из-за которой бывший муж так легко нас нашел, но потом все же заставляю себя успокоиться. Ноутбук еще пригодится, с помощью ноутбука можно работать, а деньги понадобятся.

– Ксюха! – Вера, как всегда, эмоциональна. – Коза такая, телефон выключен, в сеть не выходишь! Я тут испсиховалась! Рассказывай, давай, как у вас дела!

Мне снова хочется отвернуться, но отворачиваться на этот раз не от кого, а слезы в голосе можно и скрыть.

- Да никак, Вер, никаких у нас дел нет. Володя Машу утром забрал...

- Вот мудак! Как он вас нашел?

- По следам от мозгов, которые через уши вытекли.

- Так, ну и где ты сейчас? Вернешься?

- В больнице.

- ЧТО?! - Я глохну от вопля подруги. - Что он с тобой сделал?! Я... так, надо идти в полицию. Разборки разборками, дети детьми, но рукоприкладство уже ни в какие ворота. Ты побои сняла?!

- Вера! Остынь на секунду, он меня не бил. Я просто шлепнулась в обморок и загремела в кардиологию. Сделают узи и отпустят на свободу.

- Все равно давай заявление напишем. Я уверена, что в уголовном кодексе есть статья, которая запрещает быть таким козлом. Что ты собираешься делать дальше? У тебя план есть?

Вера хорошая подруга. Даже не знаю, как мы сошлись, мы настолько разные, что сложно представить столкновение наших миров. Вера - яркая, даже слишком, немного бесцеремонная, небогатая, но довольно успешная женщина. Мечтает о семье, головокружительном романе, который, в силу немного специфической внешности и излишнего напора, все никак не состоится.

Муж называл ее базарной бабой, а я только рядом с Верой чувствую себя спокойно.

- Нет у меня никакого плана, - глухо говорю я.

- Ну ладно, Ксюх, не раскисай. Как ты себя чувствуешь?

Я не выдерживаю и всхлипываю. Пробегающая мимо медсестричка удивленно на меня косится, но, к счастью, не лезет с вопросами.

– Вер... он меня там оставил. Я его просила не уходить, а он ушел, я упала, а он не вернулся.

– А скорую кто вызвал?

– Мужик какой-то, прохожий.

– Пиздец.

– Вот так вот.

– Знаешь, а может, ну его, а? Пусть подышает, раз мудака такой. Он еще приползет прощения просить, когда поймет, что бабам только его бабло нужно, а сам он весь такой замечательный ни в хер им не уперся. Ксюх, ну правда, ты с ним год уже разводишься, загремела в кардиологию. Дальше что? Ты хоть знаешь, какие болячки от нервов бывают? И кто тебе поможет? Мудак твой? Который оставил тебя на улице валяться без сознания, ждать прохожих?

– Ну а Маша как?

– Маша... Маша... Ой, Ксюх... клиент пришел. Давай я тебя наберу попозже, ладно? Ты там не волнуйся только, лечись, как скажут.

– Хорошо, Вер. Работай. Со мной все в порядке.

Хотя на самом деле я понятия не имею, так ли это.

Остаток дня я бесцельно брожу по этажам, чувствуя себя запертым в тесной клетке зоопарка зверьком. На развлечения не хватает концентрации, на осознанное обдумывание будущего – сил. Я словно в каком-то сне, брожу по серым унылым коридорам, смотрю на невеселых посетителей, врачей, в мыле бегающих по этажам. И никак не могу остановить в голове картинку.

Вот в зеркале заднего вида машины Владимир видит, как я падаю. Вот на секунду он замирает, оглядывается на Машу, которая всецело увлечена мультиками. И давит на газ, скрываясь за поворотом. Сколько я там валялась? Наверное, недолго, раз даже не простыла.

Это невозможно остановить, одна картинка сменяет другую, запускает лавину из воспоминаний.

Вот я стою на пороге квартиры Веры. Меня трясет, не то от шока, не то от холода – на улице дождь, а я прошла хрен знает сколько, не замечая его. Вот я пью обжигающий глинтвейн и рассказываю, что Володя подает на развод. И вот Вера ошеломленно спрашивает:

– Что, просто взял и выгнал тебя из дома?

– Да. Просто пришел с работы и сказал уходить.

Но на самом деле я лгу, и я ушла из дома сама. Только вряд ли хоть одной живой душе расскажу, почему, ибо тот вечер до сих пор помню смутно, настолько больно было, настолько страшно оставаться рядом с в один миг изменившимся мужем.

Сегодня Володи нет дольше обычного. Наверное, очередное собрание или переговоры. Я сижу на балконе спальни, ловлю последние сентябрьские деньки. Над головой – небо с россыпью звезд, на столике дымящаяся чашка мятного чая. Немного зябко, но за пледом идти не хочется, я решаю посидеть еще несколько минут – и готовиться ко сну. С утра нужно забрать вещи отца. Я давно решила, что не стану их разбирать, вряд ли там есть что-то ценное или важное. Отвезу в какой-нибудь благотворительный фонд, пусть сами разберутся, что там кому может помочь. Копаться в прошлом, снова бередить еще едва зажившие раны, мне не хочется.

Прошло уже два месяца с его смерти, но я все равно скучаю. Он не был идеальным отцом, а в последние годы почти превратился в чужого человека, но счастливое детство не выбросить из памяти. Я с трудом прихожу в себя после его гибели и во многом благодаря Машке. Ее оптимизм и детская непосредственность здорово выручают.

Я слышу хлопок двери и голоса. Отчего-то сердце тревожно сжимается, хотя, наверное, это Володя и проснувшаяся дочь – снова виснет у отца на шее. Я возвращаюсь в комнату... а в следующий миг чашка выскальзывает у меня из рук.

Муж пьян. Не в стельку, но блестящие глаза, ослабленный галстук и едва уловимый запах намекают совсем не на совещание в офисе. Но хуже всего то, что он не один, и от такой наглости у меня перехватывает дыхание. Наверное, я стою, как идиотка, хлопая глазами смотрю, как мой муж страстно целует рыжеволосую красотку в облегающем черном платье.

- И что это значит? - наконец я справляюсь с голосом, но все равно он звучит глухо.

- Может, уберешь осколки? - усмехается Володя. - Порежется кто-нибудь.

- Кто-нибудь, это вот это? - Я киваю на девицу.

- А... это. Это Карина. Она сегодня у нас переночует.

Карина хихикает и получает еще один развязный поцелуй в шею.

- Здесь переночует. Со мной...

- Хватит! Ты совсем свихнулся! Немедленно вон, оба! Вам, Карина, пора домой, а с тобой мы поговорим утром...

Муж отрывается от рыжей и медленно идет ко мне. Даже будучи нетрезвым, он умудряется излучать власть, уверенность. Мне не по себе, но злость пока еще сильнее всех прочих чувств. Я еще не поняла, что случилось, не почувствовала боли, я зла и растеряна.

- Карина. Будет. Ночевать. Здесь.

- Я твоя жена! И это мой дом тоже.

- Да ну? - хмыкает муж. - Ну, это мы поправим. Попозже. Но если ты так хочешь остаться, то я не против. Две шлюшки всегда лучше одной.

Он сгребает меня в объятия, целуя точно так же, как целовал минуту назад рыжую, и злость сменяется страхом, потому что против него бесполезно бороться. Он сильнее, выносливее, и кажется сейчас совершенно не тем

человеком, за которого я вышла замуж.

– Пусти немедленно!

– Да размечталась. Это мой дом! И все здесь делают то, что я хочу. А я хочу двух кошечек в постели. Я думаю, Карина заставит кончить даже тебя, милая, хоть это и нетривиальная задача.

Извернувшись, я даю ему пощечину, но глаза мужа только темнеют от злости.

– Хватит ломаться! Какая разница, скольких баб я сегодня трахну? Одной больше, одной меньше, да, любимая?

– Ты псих! Ты под веществами? Или тебе по башке дали? Отпусти меня немедленно! Иначе я позвоню твоему отцу!

Володя смеется, запрокинув голову.

– Своему позвони, сука лицемерная! Знаешь, что? Ты мне надоела! Или соси, или топай на все четыре стороны! Только решай реще, мне на работу рано.

Он вдруг выпускает меня из стальной хватки, и я с шумом вдыхаю воздух, едва удержавшись на ногах. Слезы застилают глаза, я пытаюсь найти в облике мужчины, которого любила до потери пульса, знакомые черты, но передо мной не муж. Этого человека я не знаю, его зрачки почти черные, он смотрит не то с ненавистью, не то с отвращением.

И я выбегаю из комнаты, рвусь на улицу, под дождь и ветер, чтобы прийти в себя. Я еще не знаю, что вернусь в этот дом лишь однажды: чтобы забрать вещи и провести пару часов с дочерью. Больше внутрь меня не пустят.

– Пока шли суды, он пускал меня к Маше, мы гуляли во дворе дома. Чтобы я не начала жаловаться на суде, что он ограничивает мое общение или чтобы Маша не начала в неподходящий момент капризничать. А когда все пошло к завершению, меня перестали пускать даже к воротам. Ну и вот.

Олег качает головой. Мой чай давно остыл, но я все равно держу кружку обеими руками, цепляюсь за нее, как за спасательный круг. Рассказывать историю, которую я до сих пор переживаю каждый день в собственной голове, страшно и стыдно, но в то же время легко. Это эффект попутчика – я знаю, что уеду из города и никогда больше не увижу приветливого кардиолога. А поговорить с кем-то хочется.

– Как же ты столько лет жила?

– Он не был таким. Ну, то есть... пару лет я верила, что Володя меня любит, просто сам по себе он человек не эмоциональный. Потом избавилась от иллюзий, но... я знала, что он не всегда мне верен, по крайней мере, догадывалась. Но как-то... не знаю, боялась, что ли. Он Машку обожал, она его, это реально надо видеть, они как две половинки.

– А ты? Ты не часть этого замечательного целого, выходит?

– Он никогда меня не трогал, не оскорблял, слова грубого не сказал. Иногда мы шутили... иногда смотрели вместе фильмы, у нас часто сходились вкусы. Я не знаю, что в один миг случилось, но...

– Но? – Олег поднимает брови.

– Иногда я думаю, что, может, не увидела. Что с ним что-то происходило, а я не заметила. Может, что-то сказала или... сделала.

– Ага, а еще не так посмотрела. Давай, найди причину в себе и покайся.

– Да нет, конечно. Я не причину ищу, я... не знаю, мотив. Мне бы стало легче, если бы я знала, что с ним случилось. Я не могу рассказывать всем о том, как тяжело было в браке, потому что это не так, но... почему я ничего не заметила? Так же не бывает, чтобы в один миг? Не бывает?

Врач смотрит с сочувствием. Время уже далеко за полночь, в отделении погасили свет и уложили всех спать, а я вряд ли смогу уснуть. Я пыталась, но под синхронное «довели страну!» и «привет, девчао!» невозможно ни спать, ни думать, ни жить. Поэтому я сижу здесь, пью черный чай из пакетика и уже час

пытаюсь грызть несчастную лимонную вафлю.

- Порой близкие не замечают ни депрессию, ни болезнь. Есть человек, вот он ходит на работу, воспитывает детей, а потом раз – и уходит, навсегда. Туда, откуда не возвращаются. И все спрашивают друг друга «Что же случилось? Он всегда был такой жизнерадостный, такой понимающий... как же так!». Иногда люди меняются, иногда они ненавидят тех, кого любили. Или любят тех, кого ненавидели.

- Или ненавидят любить, – тихо добавляю я.

- Это пройдет.

- Я надеюсь. Потому что иначе я стану у вас тут частой гостьей.

- Вот уж чего не надо, того не надо, – смеется Олег. – Ты про ДМС-то наврала, да?

- Да. Он недавно закончился.

- И на обследование не пойдешь?

- Пойду.

- Врешь.

- Не знаю. Мне кажется, нет. Но мне все равно надо вернуться, я не могу отказаться от дочери. Так нельзя, я должна достучаться.

- Смотри. Если что, оставайся. Устроим санитаркой, похлопочем насчет места в колледже, будешь самой симпатичной медсестричкой в больнице.

Я слабо улыбаюсь. Чай, вроде бы, совсем не горячий, но почему-то греет.

- Спасибо. Но я так далеко без дочери не поеду. Я все еще надеюсь, что мы договоримся насчет Маши.

– Так надеешься, что попыталась с ней сбежать?

– Я уже признала, что была не права. Машка его любит, он хороший отец. Правда хороший. Отбирать у нее его нечестно.

– Как и тебя.

– Я не буду опускаться до уровня Владимира. Я придумаю что-нибудь... обязательно придумаю.

– Ну, – Олег пожимает плечами, – если что, звони.

В заднем кармане джинс уже лежит листочек с именем и номером телефона. Я вряд ли когда-нибудь решусь набрать по сути незнакомого человека, но поддержка греет, дает капельку уверенности.

– Ты святой, что ли? И людей лечишь, и на работу обиженных женщин устраиваешь, и телефоны свои пациентам раздаешь, и все это за зарплату врача из провинции. Не думал переехать в Москву? Там больше возможностей.

– Ну, вот ты в Москве живешь, и что? – усмехается врач. – Счастлива?

– Нет, но у меня и образования нет, и способностей никаких. Я бы так не смогла... когда тебе в лицо говорят, что ты вор и бездарь, убиваешь людей, а ты все равно ставишь на ноги и лечишь.

– Здесь тоже люди болеют. Кто их лечить-то будет, если все в Москву подадутся?

– Ну, точно, святой.

– Я решил так: пока ответственен только за себя, буду работать здесь. А если вдруг семья... жена, дети, тогда посмотрим, может, и перееду, дети-то не виноваты, что у папы призвание и тараканы.

Мы сидим еще с час, я с интересом расспрашиваю про жизнь в больнице, про город. Разговоры отвлекают от навязчивых мыслей. Мне даже нравится пить чай

в скромной и тихой ординаторской, так непохожей на все медицинские кабинеты, в которых я бывала раньше. Мне кажется, что я вдруг окунулась в реальную жизнь, а все, что было до – какой-то западный сериал или наивная книжка о девочке из хорошей семьи.

Когда я возвращаюсь в палату, блогерша все еще сидит с телефоном. Свет от экрана падает на ее лицо, превращая красивую, в общем-то, женщину в нечто из фильмов ужасов.

Интернет – великая сила. Я и сама надеюсь, что смогу заработать с его помощью. Вытащу все навыки, бесполезные и не очень, попробую с нуля то, что нормальные люди начинают делать лет в семнадцать.

Удивительно, но я быстро засыпаю. Не ворочаюсь часами, не просыпаюсь от кошмаров. Мне снится что-то очень приятное. Море, ласковый шум воды, теплые руки, обнимающие меня, неторопливые осторожные поцелуи в шею, от которых по телу бегут мурашки. Я готова, как кошка, мурчать и выгибаться в этих руках, молить о том, чтобы сладкие мгновения не заканчивались. Мне совсем не хочется видеть человека, который это делает, потому что я не знаю, боюсь увидеть мужа или боюсь не увидеть. Холодная морская пена то касается ног, то растворяется среди камней. Давно мне не снилось море.

На следующий день я просыпаюсь уже легче и, на удивление, голова не такая тяжелая. Возможно, я совершенно напрасно отказываюсь от лечения и скептически воспринимаю копейные таблетки, которые здесь выдают каждое утро. Мысль о том, чтобы помочь организму справиться со стрессом при помощи врача мне почему-то в голову не приходила.

Ну, или у нас врачи не такие обаятельные, как Олег. Я ловлю себя на том, что стараюсь выйти в холл как можно раньше, чтобы успеть застать пересменку и попрощаться, но не успеваю – пока стою в очереди к умывальникам, дежурный врач уже меняется. Чувствуя разочарование, возвращаюсь в палату и обнаруживаю на тумбочке вместе с таблетками маленькую упаковку «рафаэлок». С ними овсяная каша и противный теплый чай становятся немного вкуснее.

Утро наполнено делами. Я сдаю кровь, получаю направление на консультацию к неврологу, пишу отказ от госпитализации и собираю вещи. Правда, выясняется,

что уехать я смогу не раньше завтрашнего дня: должен прийти результат анализа крови.

- Вы, конечно, можете уехать, как вам удобно, но... - с нажимом говорит врач, и я машу рукой.

Хуже точно не будет, а вот отношение меня удивляет. Из рассказов Веры о больницах я вынесла только то, что лечиться в них практически невозможно и при первом же удобном случае тебя отправляют домой. Оказывается, так происходит далеко не везде, но с чем это связано, я не знаю. Возможно, стоит как-то отблагодарить врачей, но я не умею ни давать взятки, ни делать подарки и совать благодарности. Папина дочурка и госпожа Никольская были избавлены от таких формальностей.

Когда часы показывают одиннадцать, в палату заходит медсестра.

- Никольская кто? К вам пришли.

- К-кто? - вздрагиваю я.

Тут же появляется притихшая было робкая мысль. Неужели...?

- Понятия не имею, мужик какой-то. Спускайтесь на первый этаж, там в холле скамеечки. Время посещения до часу.

Я иду вниз с ледяными руками и колотящимся сердцем. Часть меня не верит, что увидит внизу Владимира, а за мысли другой части я себя ненавижу. Поэтому когда, спустившись, я не вижу в толпе посетителей знакомой фигуры, я одновременно чувствую и разочарование и облегчение. Очень странный коктейль, он сбивает с толку.

- Ксения... - слышу я и оборачиваюсь.

Передо мной стоит импозантный пожилой мужчина. Его виски уже полностью седые, лицо испещрено морщинами, но в остальном облике - осанке, взгляде, походке и даже позе - видно стать и уверенность. Он одет дорого и хорошо, здесь у меня глаз наметанный. Поэтому выделяется на фоне слегка

обшарпанных больничных стен.

- Здравствуйте, - настороженно говорю я. - Мы знакомы?

- Лишь заочно. Я узнал, что вы оказались в больнице, и решил вас навестить. Насколько я понимаю, в этом городе у вас никого нет. Иногда приятно с кем-то поговорить, так?

- Я что-то не до конца понимаю...

- Давайте присядем. У меня к вам есть очень важный деловой разговор.

Мы садимся на одну из свободных скамеек. Украдкой я рассматриваю визитера, гадая, что привело его ко мне.

- Меня зовут Константин Царев, я - деловой партнер вашего мужа. Точнее, наши дела с Владимиром давно завершены, но мы часто пересекаемся, ибо возвращаемся в одних кругах. Я узнал, что вы с Владимиром в разводе и... не сочтите меня хамом, Ксения, но мне стали известны некоторые обстоятельства вашего развода.

- Обстоятельства?

- Прислуга очень болтлива. Это кажется смешным, но у горничных и экономок есть своя группа в одной из социальных сетей. Благодаря ей личная жизнь хозяев часто превращается в достояние общественности.

- Если вы хотите просветить меня, как развлекается бывший муж, то увольте, я не хочу знать, что происходит в этом доме, я там больше не живу.

- Ксения, пожалуйста, будьте поспокойнее. Я не ваш враг, а даже скорее наоборот. Я знаю, что Владимир не оставил вам ни копейки и не дает видеться с дочерью. И я готов вам помочь.

- Помочь? Зачем? То есть... вам-то какое дело?

– У меня у самого двое дочерей. Поверьте, разлуки с ними я бы не вынес. Владимир слишком жесток к вам, ведь всякому, кто хоть раз видел вас рядом с ним понятно, что вы – исключительно приятная, умная и отзывчивая девушка.

Что-то меня начинает напрягать этот поток сахара.

– К тому же в последнее время Никольский словно сорвался с цепи. Его поведение... оно мешает всем его партнерам. Пыл Владимира пора остудить. Я могу помочь вам получить опеку над дочерью, Ксения. Мария останется с вами, не придется пускаться в бега, вы сможете воспитывать ребенка там, где хотите, на полностью законных основаниях.

– Это как? Вы предоставите мне юриста?

– Разумеется, и юриста, и даже целую стаю зубастых юристов, если она понадобится. И кое-какую информацию, которая поможет вам в борьбе с мужем.

– А что взамен? От меня вы что хотите?

– Вы мне поможете... скажем так, окажетесь в нужное время в нужном месте. Ничего сложного, просто с вами свяжутся мои люди и расскажут, что нужно сделать. Это не опасно и не противозаконно, не волнуйтесь. Но зато Владимир перестанет мешать. И вам. И мне. Небольшая плата за возможность воспитывать дочь, верно? Подумайте, Ксения. Я – ваша фея-крестная, без влиятельного союзника вы никогда больше не увидите Машу.

Он достает из внутреннего кармана пиджака визитку и протягивает мне.

– Я не стану требовать ответа немедленно. Обдумайте все, осознайте. Подумайте, что вы теряете. Чего вас лишил бывший муж. Что он с вами сделал, какую боль он вам причинил и главное – какую боль причинил вашей дочери и что с ней случится в будущем, рядом с таким отцом. Позвоните мне, Ксения. Мы можем друг другу помочь.

Константин поднимается, галантно целует мне руку – и быстро направляется к выходу. Сквозь прозрачные двери больницы я вижу, как высокий амбал в черном открывает перед ним дверь машины, и, едва Константин скрывается в салоне,

она резво стартует с места. Открыв рот, я сижу и тупо смотрю на визитку. Ничего, кроме имени и телефона на ней нет.

Я еще не до конца осознаю смысл этого разговора. Но мне все равно страшно, будто я встретила зверя в человеческом обличье, человека, с глазами волка, с ледяной улыбкой и смертельной хваткой. Он утверждает, что хочет мне помочь, но я почему-то чувствую, как на шее затягивается удавка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Владимир

- Не лезь к Цареву! Тебе жить надоело? Это единственный на свете контракт?

- Да, единственный, - с раздражением отвечаю я. - Какого хрена я должен его отдавать непонятно кому? Что мне твой Царев сделает, под дверь насрет?

- Что он тебе сделает - не знаю, Царев не повторяется, да и Липаева так и не нашли. А Назаров всплыл по весне, когда реку чистили. А еще раньше Жилин по чистой случайности попал в автокатастрофу. А у Шишкина, который не хотел халупу свою продавать, сгорел не только дом, но и жена. Продолжать?

- Ты пытаешься меня испугать?

- Я пытаюсь воззвать к твоему разуму! - вздыхает отец. - Не лезь ты к этому отморозку, не лезь! Он тебе этот контракт запомнит и припомнит. Я не хочу ездить на твое опознание и слушать потом репортажи о заказном убийстве собственного сына.

- Я тебя услышал.

- Но не послушал. Упрямый идиот, и кого только вырастил!

- До свидания, отец.

Он еще что-то бурчит, но я уже отключаюсь, откидываюсь в кресле и устало тру глаза. На город уже опустился вечер, с двадцатого этажа офиса открываются виды на усыпанный огнями центр. Обычно это зрелище успокаивает, но сегодня только злит.

Несколько последних дней я убеждаю себя, что в моей жизни больше нет бывшей жены. Она уехала, все, ты ее напугал, можно забыть о том, что эта женщина вообще была в твоей жизни и остается лишь мягко провести через все дочь, но... проклятое «но» мешает жить.

Я раз пять за день порываюсь схватить трубку и набрать номер больницы. Правда, не знаю, что скажу. И что вообще хочу услышать. Зато знаю, что просто «хочу». Ее. Каждую минуту с тех пор, как я вышел из номера, я жалею, что не трахнул ее, что позволил себе лишь крошечную толику из фантазий. Что ушел к дочери, отключился, забыл о том, как она отвечала на поцелуй и бесконечно долгую минуту была готова дать мне все, что я пожелаю.

Я помешался на девочке с вишневыми волосами. Всерьез подумываю приказать Катерине перекраситься, а еще лучше поменять секретаршу на ту, которая не свяжет мой каменный стояк на вишневые волосы со встречей с бывшей. Если бы сейчас она вошла в кабинет, я бы трахнул ее прямо на столе, забив на сопротивляющийся желанию разум.

Это очень странно: мечтать о той, которую ненавидишь. Мазохистское удовольствие.

Из приемной вдруг доносится возмущенный голос Катерины, а затем дверь распахивается, являя бывшую. Только нечеловеческое самообладание помогает мне остаться спокойным, хотя мыслишка поднять голову к потолку и на всякий случай попросить пару контрактов с китайцами все-таки возникает. Это ведь не только на эротические фантазии работает, да?

– Владимир Борисович, я не виновата, я говорила, что нельзя...

– Все нормально. Оставьте нас.

И дверь запри. Хотя если кто-то вломится в неподходящий момент – его проблемы.

Я жадно всматриваюсь в облик бывшей. Она кардинально изменила стиль: теперь ее лучшие друзья – это кеды, джинсы, футболки. Наверное, так она кажется себе более серьезной, но я уже представляю, джинсы полетят на пол, а белые кедки окажутся у меня на плечах.

Пожалуй, их можно оставить. Это даже заводит.

– Тебя уже выписали? – почти вежливо интересуюсь.

Вряд ли ее обманывает напускное дружелюбие.

– К счастью, твоими стараниями я оказалась всего лишь в кардиологии, а не в психушке. Оттуда быстро выпускают.

– Моими стараниями? То есть это я спер ребенка и усвистал черт знает куда?

– Хватит. Я пришла не ссориться.

Конечно. Ты пришла трахаться, только еще этого не знаешь.

– Я в последний раз призываю тебя решить вопрос миром. Ты имеешь право меня ненавидеть, хоть я и не знаю, за что. Имеешь право со мной развестись. Не общаться со мной. Забыть мое имя и даже блевать, если вдруг случайно коснешься, но дочь у нас общая. Ты любишь Машу, ты знаешь, что ей нужна мать, что я хорошо о ней заботилась. Давай не будем втягивать ее в нашу ненависть, давай не будем лишать ее кого-то из родителей. Увезти ее от тебя было неправильно, но и я должна с ней видеться, ты это знаешь, черт возьми, Володя!

Она не выдерживает, срывается почти на крик.

– Нет, – отрезаю я.

Вряд ли она отступится, но я нутром чувствую, что одним разговором бывшая не ограничится. Посмотрим, что рискнет предложить. Хотя идея оставлять ее рядом с Машей мне все еще не нравится. Это все равно что постоянно

расковыривать заживающую рану. И удивляться: почему, мать ее, так больно и руку грозят отрезать к хуям собачьим?

- С тобой невозможно разговаривать.

- Давай не будем. Рот можно занять и более интересными вещами.

Я заигрался. Не могу остановиться, не могу перестать пожирать ее взглядом, не могу представлять картинки, одна развратнее другой. Не хочу вспоминать, как по телу разливалось удовольствие от одного прикосновения ее пальчиков к члену, но не могу, в штанах уже тесно и болтать совсем не хочется.

Правда, бывшая достает из рюкзака смартфон, что-то там недолго ищет, а затем протягивает его мне.

- Вот. Почитай, пожалуйста. Может, ты передумаешь. И видит Бог, Володя, я тебя просила, я умоляла, я пыталась с тобой говорить. Но мы словно не знакомы.

- Что это? - какой-то сине-сиреневый сайт с кучей текста, вчитываться в который нет желания и времени.

- Крупный информационно-развлекательный ресурс. На него ссылаются сотни интернет-изданий. Каждый зарегистрированный пользователь может разместить пост и, если другим пользователям он по вкусу, они выводят его в топ. Пост расходуется по всей сети. Я решила, что людям будет интересна моя история. Смотри, сколько голосов. Мы с тобой в пятерке лучших постов за месяц. Пока что он написан без имен и фамилий, просто грустная история девушки, о которую вытерли ноги и у которой забрали дочь. Но можешь почитать комментарии. Тысячи людей просят назвать имя монстра, с которым эта девушка столько лет жила. Как думаешь, что обрушится на тебя, если я это имя назову? И отправлю эту статью в газеты?

- Ты меня шантажируешь?

От взгляда, которым я одаряю бывшую, иным становилось плохо. Но она только вздрагивает, но не двигается с места. Я вижу в глубине ее глаз дикий страх, она прекрасно понимает, на какую опасную дорожку ступила, но все равно упрямо

идет вперед. И... это качество тоже становится сюрпризом. Приятной приправой к изысканному блюду, потому что иметь сильную девочку очень приятно.

– Я предупреждаю. Ты загоняешь меня в угол. Я прошу немногого: общения с Машей. На твоей территории, если тебе угодно. Мое отсутствие в жизни дочери меня не устраивает. И я готова драться с тобой до последней капли крови! Я пойду не только в газеты и на сайты, я продам эту историю на какой-нибудь идиотский канал с передачами для домохозяек. Я устрою тебе травлю по полной программе, я клянусь, Володя, мне терять уже нечего. А тебе – очень даже есть.

Я поднимаюсь из-за стола и направляюсь к Ксении. Шаг за шагом... медленно, неспешно, растягивая момент предвкушения.

– Вообще ход хороший. Креативный такой. С изюминкой. Даже, я бы сказал, интереснее, чем похищение. Но глупенький, очень глупенький и наивный. Крупный портал, говоришь? Как думаешь, сколько мне будет стоить то, что твой пост испарится, словно его и не было, в течение часа? Хочешь поспорить, что я это устрою? Газеты? А как считаешь, если я заплачу им за другую историю, в которой ты, опасная для окружающих, имеющая зависимости, женщина, пыталась украсть ребенка?

– Ты не посмеешь!

– Ну да, конечно. Я же святой. Никогда никому гадостей не делал и всегда играю честно.

Она отступает, глядя снизу вверх, как кролик на удава. Прижимается спиной к окну и нервно сглатывает – всегда боялась темноты. Ее страх как наркотик, я опираюсь ладонями на стекло и не пускаю ее из клетки своих рук. Близко, так близко, что можно почувствовать тепло ее тела. Вдохнуть запах вишни и поймать прерывистое дыхание.

– Боишься высоты? Она так близко... тебя от нее отделяет тонкое стекло. Или меня боишься больше? Давай, Вишенка, решай, потому что от твоего ответа зависит то, что я сейчас с тобой буду делать.

Ее голос звучит хрипло и грустно:

– С высотой все хотя бы кончится быстро. А ты будешь мучить меня бесконечно.

Ни следа от той стервы, что еще недавно пыталась брать меня на понт. Кажется, что еще несколько мгновений – и она сама подается навстречу, прижмется к моей груди и попросит защиты. Как просила, как умоляла, чтобы я остался в номере вшивого отельчика в самой заднице мира.

Я не могу заставить себя произнести ее имя. Даже мысленно произношу его с трудом и только Ксения, как будто форма имени на что-то влияет. Как будто если я хотя бы подумаю о ней как о Ксюше, снесу к херам все, что очень долго выстраивал.

– Пятница.

– Что?

– Ты сможешь видеться с Машей по пятницам. Забирать ее из садика и возвращать домой к восьми. При одном условии...

Она, кажется, сначала не верит мне, потом – своему счастью. Это не глаза, это целый океан эмоций: от недоверия до осторожной радости.

– Каком условии?

Я медленно веду кончиком указательного пальца по ее щеке. Прикосновение отзывается внутри сладкой болезненной неудовлетворенностью.

– Ты ведь все поняла, Вишенка. Все прекрасно поняла.

– Я хочу, чтобы ты сам мне все озвучил. Хочу, чтобы ты услышал сам себя.

– Хочу тебя трахнуть.

Она смеется. Я настолько не ожидаю такой реакции, что несколько секунд стою, оцепенев. Что смешного я сказал?

– Никольский, ты свихнулся? Мы были женаты! Ты мог... у тебя был чертов карт-бланш на секс со мной!

– Ну не знаю... помнится, кто-то психанул и ушел, когда я предложил поразвлечься.

Я понимаю, что перегнул палку, но отказаться от своих слов уже не могу. Эмоции в этой девушке меняются со скоростью звука, и сейчас в ее глазах нет ничего, кроме всепоглощающего страха, приправленного неосознанной мольбой. Мне хочется до крови прикусить себе что-нибудь, чтобы боль отрезвила, избавила от этого выматывающего душу взгляда, но я стою и молча смотрю на нее.

– Ты же не... Вов... ты не можешь... нет, погоди, стой... я так не могу. Я не могу...

– Что?

– То, чего ты от меня тогда хотел. Ты же не заставишь меня быть... с кем-то еще?

– Почему нет? Неужели тебе никогда не хотелось попробовать с двумя мужчинами? Или с девушкой? Говорят, ощущения совсем другие. У меня на примете есть...

– Хватит! – Ее голос срывается на крик, она с силой зажимает мне рот и утыкается лицом в грудь. – Хватит! Я не хочу это слышать! Я не хочу знать, во что ты превратился! Ты же... ты же отец. Ты должен Машку защищать... даже близко ее не подпускать к этой грязи, ты же обещал!

Она поднимает голову, хмурится сквозь слезы, и меня вдруг охватывает странное желание: чтобы они пролились на щеки, чтобы можно было стереть их руками.

– Вовка...ты победил, я больше не могу, у меня нет сил, ты хочешь, я уйду? Совсем уйду, исчезну навсегда, только помоги себе... тебе легче будет, если я исчезну? Скажи мне, как тебе помочь... я... я не знаю, я запуталась... Вов, я так Машку люблю! Ты не представляешь! Но ты же для нее пол мира... поговори со мной... в последний раз поговори, если скажешь, я уйду, я жить без вас не могу,

но я так устала. Мне так страшно, Володя! И за тебя, и за нее, я как в аду живу, понимаешь? Ты мне скажи, тебе станет легче? Хоть немного? Ты сможешь Машку защитить, если меня не будет?

«Меня не будет». Она говорит так, словно ее не будет не в моей жизни, а вообще, и меня пугает оттенок отчаяния в этой фразе. На секунду я готов рассказать ей все, попытаться объяснить, в глупой и наивной надежде, что действительно станет легче, но на самом деле не станет.

- Все, - хрипло говорю я. - Успокойся. Хватит. Я пошутил, все. Никого не будет, я тебе обещаю. Только ты и я. И тогда... я бы тебя не тронул.

Ее бьет крупная дрожь в моих руках, но совсем не так, как в отеле. Я осторожно глажу проклятые вишневые волосы, и Ксения замирает, прислушиваясь к прикосновению. Удивительно, но я все еще ее хочу. Только в голове уже не откровенные фантазии о грязном сексе на диване в кабинете, а что-то совершенно мне не свойственное. Я хочу ее поцеловать, ощутить вкус соленых от слез губ, заставить забыть о страшных мыслях. Но просто стою, смотрю на ночной город и отчаянно, так, что сводит челюсть, хочу напиться.

- Ты сможешь забыть на минуту, что ненавидишь меня? - вдруг спрашивает она.

- Наверное.

- Тогда обними.

Я редко ее обнимал. В основном формально, на каких-нибудь приемах придерживал за талию. Или в постели, в те времена, когда мы еще до нее добирались. В первые годы, когда мне казалось, что я смогу полюбить женщину, на которой женился. Я так давно не держал ее в объятиях, что ощущение, будто делаю это впервые. Ксюша слишком хрупкая, худенькая, в моих руках она кажется хрустальной статуэткой.

В оконном стекле отражается совершенно другой мужчина. Он не имеет ничего общего с Владимиром Никольским. Может, он и впрямь превратился в чудовище. Правда, в сказках, что обожает дочь, говорится, что чудовища ничего не чувствуют.

Я бы многое отдал, чтобы быть, как они.

Ксюша

Мне одновременно стыдно и за истерику и за это жалобное просящее «обними». Я стою в теплом кольце рук, выравниваю дыхание и прижимаю руку к груди, где бьется в неистовом ритме сердце. Я сказала лишнего. Много лишнего, того, что говорить не собиралась, что вырвалось на эмоциях. Часть Владимир предпочел не услышать (или не услышал на самом деле), а вот часть его, кажется, проняла.

И я не знаю, хорошо это или плохо, мне в одну секунду показалось, что он вдруг испугался. Я даже не поняла чего, зато сейчас осознаю: я буду видеть Машу. Пусть раз в неделю, но буду забирать ее из садика и гулять целых три часа. Смогу отвезти в парк и покатать на ее любимых летающих динозаврах, смогу вместе с ней пойти на детский квест, полакомиться мороженым в любимой кафешке, записаться на мастер-класс по рисованию или лепке.

Мне нужно только выжить и понять, как достучаться до бывшего мужа. В том, что достучаться до него можно, я уже не сомневаюсь.

Бесконечно долгая минута подходит к концу, и я сама высвобождаюсь. Отворачиваюсь, чтобы вытереть глаза. Украдкой смотрю на его отражение в окне, а потом на город.

– Налить тебе выпить?

– Мне нельзя. Я только что из больницы.

Надо что-то сказать, но у меня все слова кончились, я чувствую жуткую усталость, как будто пробежала трехкилометровый кросс или два часа отпахала в спортзале. Кажется, что если я сейчас присяду на диван, то отключусь до утра, но вряд ли это понравится бывшему.

К счастью, он не из тех, кто долго держит театральную паузу. Когда Владимир достает из мини-бара бутылку коньяка и наливает в бокал, он снова бесстрастный холодный и циничный мужчина, который просто берет, что хочет, не обращая внимания на остальных.

- В пятницу можешь забирать Машу из садика с четырех. Она должна вернуться домой к восьми. За несколько дней до я должен получать от тебя сообщение со списком планов: куда идете, зачем и так далее. С вами всегда будет водитель, он отвезет, куда скажешь, и вернет обратно.

- Ты мне не доверяешь? Я же сказала, что не стану бороться в ущерб Маше.

- Это безопасность. Она моя дочь, а я пока еще не слесарь в ЖЭКе, чтобы ходить по улицам не оглядываясь. Все ясно?

- Да. Можно начать с этой пятницы? Я отведу ее в парк, кормить уток.

Владимир пожимает плечами, делает большой глоток и морщится.

- Как хочешь. Значит, в пятницу в восемь ты должна быть у ворот.

- Вернуть Машу, я знаю, Вов, она ложится в девять, я помню.

- Не вернуть Машу, а ехать со мной.

- А...

Я замираю. И хоть не должно быть удивления, он озвучил условия вполне определенно, но я настолько не ожидаю такого прямого их обсуждения, что молча стою и хлопаю глазами.

- Есть возражения?

- Нет, - поспешно отвечаю я. - Нет.

Когда я думаю о том, что смогу видеть дочку, гордость куда-то улетучивается, и я готова на все. Наверное, на все... хотя еще несколько минут назад мне казалось, что вот он - предел моей прочности, и дальше я просто не выстою.

- Полагаю, мы договорились.

– Хорошо, – киваю и направляюсь к выходу. – До пятницы.

Владимир молчит в ответ. Я выхожу из кабинета, пересекаю приемную под заинтересованным взглядом секретарши и не могу удержаться, бросаю ей:

– Ну, беги, утешай хозяина.

Прохожу мимо лифта к лестнице, мне надо проветрить мозги, двадцать этажей пешком – отличная нагрузка. Примерно на середине, убедившись, что никого рядом нет, я сажусь на ступеньки и закрываю глаза.

Вся жизнь в последние месяцы была сосредоточена на том, чтобы не потерять Машу. Чтобы выцарапать драгоценные минуты общения с ней. И теперь, добившись своего, я пытаюсь привести в порядок мысли, потому что нет никакого смысла в полученной пятнице, если я не научусь жить в остальные дни.

Мне нужно жилье. Нельзя больше стеснять Веру, а о квартире, снятой свекром, можно забыть – мне еще повезло, что хозяин не заблокировал макбук, который я стащила.

Мне нужна работа. Я ничего не умею, кроме как учиться, и придется осваивать сразу несколько профессий.

Мне нужны силы, чтобы бороться дальше, потому что три часа в пятницу – не то, чего я хочу. Мне нужны ночевки с дочерью, праздники, ее утренники со стишками и хороводами, дни рождения, Новый Год, я хочу видеть, как она растет, а не только как гуляет со мной по пятницам.

И уж точно я не буду просто ждать, когда бывший наиграется. Хотя бы потому что понятия не имею, что будет после. Мне не хочется верить, что, дав мне дочь, Владимир снова нас разлучит, когда ему надоест со мной спать, но все же я давно уяснила, что знала совсем другого человека. А как поступит этот, не имею ни малейшего понятия.

Копаюсь в рюкзаке в поисках кошелька. Из него достаю визитку. Имя и номер телефона. Пришло время Константину Цареву мне помочь. Он же для этого ко

мне явился, верно?

Набираю номер и долго слушаю длинные гудки.

– Алло? Здравствуйте. Это Ксения. Мне нужно с вами встретиться и поговорить.

В кафе тепло. А мне холодно. Это потому что мужчина напротив – ледяной. Или стальной, как, блин, качели на морозе. Главное языком не трогать, а то примерзнет. И чай, как назло, остыл.

Я молчу, он молчит. Время неумолимо утекает, но Царев меня не торопит. Вид у него до ужаса понимающий, участливый.

– Поясните, пожалуйста, – медленно говорю я, – что именно вы от меня хотите.

– Что ж, прежде, чем мы обсудим сотрудничество, я бы хотел спросить, Ксения, что все же заставило вас прийти ко мне. Что подтолкнуло к принятию этого решения.

Он не человек, он рентген, мне кажется, ему и ответы мои не нужны. Достаточно посмотреть в глаза – и все мысли окажутся, как на ладони.

– Он... перешел все границы в своей ненависти ко мне. Кажется, муж решил меня уничтожить.

– Вам нужна помощь, Ксения? Психолога? Врача? Может, помочь с жильем или с работой?

– Мне нужна моя дочь, я хочу... чтобы Владимир ответил за все, что мне сделал. И хочу воспитывать Машу. Работу и жилье я найду сама, но дочь мне не отбить и... от мужа не защититься. Раньше он просто хотел от меня избавиться, а теперь...

Руки дрожат, поэтому я сжимаю кружку сильнее. Гипнотизирую неряшливые хаотичные точки на темно-зеленой керамике.

– Понимаю. Владимир Никольский – сложный человек. Честно говоря, я удивлен, что ваш брак просуществовал так долго. Но не волнуйтесь. Я вам помогу, ничего особенного от вас не потребуется. У вас есть связь с Владимиром? Он отвечает на ваши звонки?

– Да. – Я хмурюсь.

– Тогда мы поступим так. Через некоторое время – от недели до двух, с вами свяжется мой человек. Он назовет вам место. Вы позвоните бывшему мужу и назначите с ним встречу в этом месте. Но на встречу не пойдете.

– И..?

– И все. Остальное вам знать совершенно необязательно.

– Что вы... ваши люди сделают?

– Ничего особенного, просто поговорят с господином Никольским в приватной обстановке. Объяснят ему, так сказать, расклад сил и посоветуют вести себя поспокойнее.

– Вы что, его убьете? – Голос срывается.

Скрыть откровенный страх перед Царевым сложно, но, наверное, и нет смысла. Вряд ли он верит, что располагает к себе людей.

– Ну что вы, Ксения. Убийство – это так примитивно и грязно. Просто небольшой несчастный случай... несчастливое стечение обстоятельств. Трагическая случайность, не более. Боюсь, правда, вы не получите наследство – вряд ли Никольский хоть что-то вам завещал. Но я позабочусь о том, чтобы у вас и Машеньки была подушка безопасности для того, чтобы встать на ноги. Опекунство, конечно, вы получите. Мои юристы сделают все чисто и быстро.

– Я... я так не могу...

– Ксения, – со вздохом говорит Константин, – я все понимаю. И не стану просить вас сделать больше, чем вы можете. Просто подумайте о дочери. Владимир – психически неуравновешенный человек, он должен быть изолирован от общества. Какое будущее ждет вашу дочь рядом с ним? А вас? Я щажу ваши чувства, но... вы ведь не думаете, что ваш бывший муж – святой? Что на его руках нет крови, а на его счету разрушенных судеб? Да хотя бы ваша... вы готовы стать объектом его нездоровой ненависти? Я очень долго вращаюсь в кругах вместе с Никольским. И могу рассказать о Владимире такие вещи, от которых у вас волосы дыбом встанут. О его деловых – в кавычках, разумеется – переговорах в закрытых клубах. О частных вечеринках, на которых практикуются далеко не такие безобидные развлечения, как показывают в кино. Вы готовы оставить дочь рядом с таким человеком? Смотреть, как она живет рядом с грязью, в которой радостно купается ее отец? Готовы вы пожертвовать ее судьбой, представить, скажем, пятнадцатилетнюю Машу участницей вечеринки...

– Хватит, – я чувствую, как меня начинает тошнить, – не продолжайте, пожалуйста. Я не хочу знать обо всем этом. Я просто... хочу, чтобы муж оставил меня в покое.

– И он оставит. Я клянусь, Ксения, вы забудете его имя.

– А если у вас не получится? Он ведь убьет меня! Не лишит дочери, а просто убьет! Если узнает, что я выманила его на встречу с вами...

– Бросьте, Ксения, мои люди знают свою работу. После встречи с ними Владимир сможет только пускать слюни и улыбаться ложке с детским пюре, не более.

– Но вы ведь знаете, что делаете?

– Абсолютно, – спокойно, и от того еще более жутко, улыбается Константин. – Я выбивал этот контракт очень долго. Вы не представляете, какие деньги завязаны на нем. Какие люди могут потерять все, если его получит Никольский. Сколько голов в высших чинах полягут.

– Почему вы так просто мне все рассказываете?

– Потому что вы умная девушка, Ксения. Исключительно умная. Вы не из простой семьи. Вы ведь понимаете, что в нашем мире лучше играть по правилам, иначе... судьба вашего отца, увы, незавидна. А он – лишь верхушка айсберга, крошечная шестеренка огромной системы. Помогите мне – и получите все, о чем сейчас мечтаете. Дочь и свободу.

– Это убийство, – шепчу я.

– Да. Хотя я надеюсь обойтись не такими радикальными мерами. Впрочем... все зависит от вашего мужа. Если Владимир будет благоразумен – он сохранит свою жизнь.

Царев поднимается, достает из бумажника купюру и бросает на кожаную книжку со счетом.

– Но мы с вами оба знаем, что он на это не способен. Мой человек свяжется с вами. И Ксения...

Меня одаривают предупреждающим взглядом.

– Я – хороший друг. Но и врагом могу быть достойным.

Дверь за ним закрывается, и тихая инструментальная музыка сменяется какой-то идиотской веселой песенкой. Я покачиваю ногой в такт ей и тупо пялюсь на веселую голубенькую табличку с объявлением «требуется официанты».

– Повторить чай? – спрашивает миловидная девушка в голубом форменном платье.

– Нет, спасибо. Сдачи не нужно. Только... а вот это объявление еще актуально? Вам нужны официантки?

– Конечно. Позвать для вас менеджера?

– Будьте так любезны.

Друзья... враги... во что же ты вляпался, Никольский? И чем эта история аукнется мне...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Владимир

- Папа... а когда плидет мама?

Я отвлекаюсь от экрана и смотрю на дочь. Машка возится на полу, раскладывает кукол и какие-то игрушки. То ли это школа, то ли группа анонимных игрушечных алкоголиков – непонятно. В кружок усажены две барби, пупс, плюшевый львенок, енот, набитый антистресс-шариками и пластиковый шарнирный клоун. А в центре главенствует любимый динозавр.

Ну как пить дать совет директоров. Только секретутки не хватает и доски с графиками.

- Мама придет в пятницу.

- А почему не сегодня?

- Мама устроилась на работу. В пятницу после работы она заберет тебя из садика.

Бывшая действительно вышла на работу, я узнавал. Не знаю, нахрена, но я выяснил все, чем она живет сейчас. И хоть с нашей встречи в офисе прошло всего два дня, я знаю ее адрес, новый телефон, место работы. Видел ее фотку – просил охранника съездить и сделать – в идиотском голубеньком платъице. Она и сейчас хранится в телефоне.

Не знаю, бесит она меня или заводит. Когда думаю о том, как она в своей форме и белых кедах стонет подо мной и царапает мою спину – нереально завожусь, а когда представляю, как какой-нибудь нетрезвый посетитель лапает ее за задницу, думаю, что если его зарплата на пару десятков косарей выше, чем у

кассирши, то он вдруг стал хозяином жизни, то прихожу в бешенство.

Я маниакально, с мазохистской тщательностью, планирую пятницу. С момента, когда Машка вернется домой, поцелует меня на ночь и уляжется спать и до утра, когда я выпущу бывшую, натраховшись вволю. Ну не псих ли? Она, блядь, права, я мог пять лет иметь ее в любых позах, а захотел почему-то только сейчас. Твою же мать.

- А зачем мама работает?

- Затем, чтобы покупать себе еду и платить за квартиру. Я же покупаю домой продукты.

- А почему ты не покупаешь маме?

- Потому что мы с мамой развелись.

- А что значит развелись?

- Маша, р-р-развелись. Р-р-развод.

- Что такое р-р-развод? - послушно повторяет дочь.

- Это когда муж и жена решают, что больше не хотят жить вместе. Они приходят в специальное место и им вычеркивают штампик из паспорта.

Машка долго думает, пожевывая нижнюю губу.

- А ты со мной тоже разведешься?

- Нет, детка, с детьми не разводятся. Я с тобой навсегда.

- Навсегда-навсегда?

- Ну, когда-нибудь я стану стареньким и буду медленно ходить, покряхтывая, но ты ведь все равно будешь меня любить, да?

- Значит, ты не улетишь на небо, как дедушка?

Вздыхнув, я отставляю в сторону ноут и усаживаю дочь на колени.

- Дедушка был стареньким, малышка. Вот когда я буду очень стареньким, а ты будешь очень взрослой, я тоже полечу на небо.

Ага, мечтай, дебил. На небо он полетит. В ад покатишься!

- Можно мне погулять?

- Детка, уже поздно и холодно.

- Пожа-а-алуйста-а-а! Я только на качельке!

- Ладно, полчаса. Потому что в девять будем смотреть по телевизору тетю Настю.

- Настя будет кататься?

- Да, у Насти сегодня соревнования, я обещал, что мы будем за нее болеть.

- Ур-р-ра-а-а! - хихикает Машка и лукаво на меня смотрит, ожидая похвалы за то, что справилась со своей нелюбимой «р».

Пока она одевается, а делает она это непременно долго, ибо маленькая перфекционистка предпочитает все делать сама, я занимаюсь совсем не тем, чем должен. Вместо того чтобы смотреть список задач на завтра и готовиться к встрече, я размышляю о пятнице. Хочется отдохнуть и отключить мозги, хотя как это желание уживается с желанием трахнуть бывшую, не очень понятно. В ее присутствии я выматываюсь в несколько раз быстрее и уж точно никак не расслабляюсь.

Но раз уж сделка состоялась, надо решить, куда ее вести. Это не свидание, выгуливать в ресторанах я Ксению по новой не собираюсь. Тем более, что в одном из них она работает. Надо будет, кстати, наведаться и оценить

обслуживание. Чаевые я обычно оставляю щедрые... к слову, идея помочь бывшей деньгами на то время, пока она мне не надоела, возникала неоднократно. Так-то, конечно, пусть поработает хоть разок в жизни и поймет, откуда на банковском счете появляется бабло, но хотелось бы заниматься сексом с ухоженной и симпатичной барышней, а не воняющей бургерами официанткой. Теперь финансовую поддержку можно превратить в игру.

Наконец я определяюсь с планом и пишу Стасу, чтобы забронировал спа-апартаменты. С хамамом, финской парной, бассейном и ужином. Те редкие деньки, в которые удавалось снять там номер, чтобы расслабиться, прошли на ура. Хотя, конечно, это символично: везти девку трахаться в сауну. Элитную, но все же...

И жестоко, пожалуй. Хотя не более жестоко, чем шантажировать ее встречами с ребенком.

– Папа, я готова! – Машка радостно выбегает обратно в гостиную.

Меня разбирает смех. Футболка поверх свитера, торчит из криво застегнутых штанов, носки разные, а шапка на голове вывернута наизнанку.

– Нет, дорогая моя, придется тебе снова посетить мастер-класс по сборам. Тебе что Лиза говорила? Нужно внимательно одеваться. А ты как оделась?

– Как шушундра? – на голубом глазу спрашивает это ангельское дите.

– Как шушундра, – соглашаюсь я.

– Ур-р-ра! Я – шушундра!

И гулять ей уже не хочется, а вот я бы прошелся. Жаль, курить при дочери нельзя. Вообще, оказывается, это сложно, когда няня уходит в восемь и оставляет тебя в огромном доме наедине с маленькой девочкой, которая еще тянется к отцу и не понимает, за что его можно ненавидеть.

Ксюша

Кажется, будто мне лет шестнадцать и я впервые уехала надолго от родителей.

Я учусь жить. Сняла квартиру: крохотную, с еще советской мебелью, в десяти минутах от конечной станции метро (что уже довольно неплохо). Спасибо деньгам свекра, они дали мне фору. Устроилась на работу: теперь я в форменном платье разношу бизнес-ланчи и кофе в ресторанчике. Он неплохой, почти в центре, со средними ценами. Сюда не ходят гости уровня бывшего, но и дешевой столовой его назвать нельзя. Контингент в основном офисный, а по выходным – семейный. Это со слов других официанток, я же работаю всего второй день.

У меня отваливаются руки, ноги и спина. Невозможно прогнуться в пояснице без боли, к концу вечера голова раскалывается на куски, но я все равно довольна. В первую смену у меня получилась почти тысяча чаевых. Часть из всего полученного мы отдаем персоналу на кухню, часть – в общий котел на случай ушедших столов или недостатч, а часть забираем себе. В выходные, говорят, чаевые выше, но меня на выходные еще не ставят. И правильно делают: за два дня я разбила два бокала и чуть не опрокинула на гостя тарелку с супом.

– Ох, Никольская, – администратор сурово качает головой, – смотри у меня.

Я и смотрю. Наблюдаю за другими официанткам, пытаюсь тренировать память, чтобы не записывать заказы в блокнот и с нетерпением жду пятницы. К слову о ней...

– Ирина Викторовна, – подхожу к администратору, – мне нужно в пятницу в половину четвертого уйти, а мне смену поставили.

– Никольская, ты охренела? Второй день работаешь, а уже уйти!

– Ну, пожалуйста! Мне очень надо, я с дочкой встречаюсь. Я отработаю... хотите, в двойном размере отработаю? Чаевые за весь день девчонкам отдам?

– А в субботу ты с дочерью встретиться не можешь?

– Нет. Мы с мужем в разводе, дочь оставили с ним. Я должна забирать ее из сада в пятницу, Ирина Викторовна, я очень прошу! У меня один день в неделю на

встречи с ней.

- У-у-у, мать-кукушка, – смеется она, – ни чашку удержать не можешь, ни ребенка. Ладно, Никольская, хрен с тобой. Отработаешь в среду и четверг полные смены и выйдешь в субботу, поняла?

- Да! Спасибо!

В кухню заходит еще одна официантка, Диана.

- Там клиент в кабинке, заказал американо, сэндвич с лососем и просит, чтобы обслужила новенькая. Важный такой, в костюме, пятисотку мне дал за то, чтобы ей отдала стол.

- Так, новенькая, не налажай. Иначе в пятницу пойдешь не пораньше, а навсегда, ясно?

- Да, Ирина Викторовна, я все сделаю.

Дожидаюсь, пока бариста сделает кофе, ставлю на поднос горячий сэндвич с аппетитными кусочками красной рыбы, сливочным сыром и зеленью, и иду к одной из кабинок. Обычно их снимают для празднования или во время свиданий, но сегодня посетитель там один.

- Вы опоздали, – говорю я, ставя на стол приборы и еду. – Мой перерыв уже закончился.

- Извини, пробки, – говорит свекр.

- На метро не пробовали?

- Не злись, Ксения, я не со зла. У тебя будут проблемы?

- Нет, если будете говорить быстро. Я не могу сидеть с вами долго, скоро будет вечерний наплыв клиентов.

Борис Васильевич с интересом рассматривает обстановку.

- А ты молодец. Не сдаешься. Ну что? Получилось?

Снимаю с шеи шнурок, на конце которого болтается сердечко из стразика – безделушка, купленная в Праге. На самом деле это флешка, увидев ее, я практически влюбилась в копеечную цацку. Муж, конечно, мне ее купил.

Свекр тянет руку к флешке, но я накрываю ее ладонью.

- Погодите.

- Что такое? Там разговор?

- Да. От и до, начиная с моего заказа «чай с чабрецом и лимоном» и заканчивая недвусмысленной угрозой Царева. Но я отдам вам запись только после того, как вы ответите на мой вопрос.

- На какой вопрос?

- За что ваш сын меня возненавидел.

- Ксюша...

- Вы отец! Вы знаете, что его мучает, вы обязаны знать! И я хочу эту причину, мне плевать, какая она, я хочу знать, что случилось с человеком, которого я любила! Я должна с этим что-то делать, я отвоевала ЧЕТЫРЕ – вдумайтесь, всего четыре – часа с Машей, но мне мало, я не приходящая няня, я ее мать, и я додавлю свои права. Но мне нужно знать, что происходит. Что я сделала не так.

- Ксюша... – Свекр сокрушенно качает головой. – Ну не могу я, не могу! Ты мать, а я отец, понимаешь? Не могу я тебе взять и вывалить... не мой секрет, понимаешь? Я и так почти потерял сына, я не могу его еще раз предать! Поверь ты мне, Ксюшечка, я бы изменил, если бы мог!

Мне хочется бросить в него чашкой с кофе, меня бесит равнодушие. Сына он боится потерять. А сейчас он его не теряет?! По-моему, Володи, который его сын,

уже нет, а вместо него какой-то монстр.

- Тогда намекните. Задайте мне направление. Где искать? Я докопаюсь, я найду правду, только скажите, куда смотреть. Пожалуйста! Я рискую жизнью, отдавая вам записку, если у вас что-то не получится, если Царев поймет, что его собираются надуть, пиздец мне придет очень быстро! А вы мне жалеете пары слов? Если я за вашего сына сдохну, вы мне хоть на надгробии намек выбьете?

- Ладно, - вздыхает Борис Васильевич. - Ладно. Тебе должно хватить... У тебя от отца остались документы?

- Да, какие-то валяются в вещах. Ваш сынуля даже чемодан под них предоставил, заботливый.

- Ты никогда не интересовалась, в честь кого Владимир назвал вашу дочь?

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Маша... Машка, Машенька... я помню, как муж взял крохотный сверток на руки и долго всматривался в сморщенное личико дочери.

- Какая она странная, - хмыкнул тогда он.

- Тебе не нравится?

- Ну почему сразу не нравится. Просто такая маленькая... Ксюха, смотри, мне кажется, на тебя похожа.

- Дурак! - рассмеялась я.

- Ладно, на Машеньку.

- На Машеньку?

- Ага, как в мультике. Машенька такая, в чепчике, бантиком голова повязана. Давай Машкой назовем, а?

– Мария... Никольская Мария Владимировна. Красивое имя. Пусть будет Маша.

Между ними сразу возникла связь, я увидела это еще тогда. Вова дал дочери имя, Вова стал для нее отцом с большой буквы. Я думала, ему просто понравилось имя. Маша... Машенька. Как у девочки из дурацкого мультика.

– Это женщина? – глухо спрашиваю я. – Володя ее любил?

– Ксюш...

– Хорошо. Я вас поняла. Я... не знаю, что сказать, но я буду искать. Спасибо хотя бы за это.

Свекр подталкивает ко мне чашку с кофе, и я пью, чтобы хоть как-то прийти в себя. Борис Васильевич мягко забирает флешку из-под моей ладони.

– Спасибо, Ксюш. Я ценю то, что ты для него делаешь. Могла бы принять предложение Царева и решить свои проблемы...

Я смеюсь. Нехорошо вот так смеяться над человеком, но мне вдруг становится так смешно, что не могу удержаться. Как плохо эта семья вообще меня знает. Хоть что-то обо мне их интересовало?

– Хорошего же вы обо мне мнения, что считаете, будто я могла бы принять предложение и лишиться дочь отца.

– Ксюша... ну я же не это имел в виду!

– Я поняла, Борис Васильевич. У вас еще ко мне просьбы будут? Я свяжусь с вами, когда люди Царева позвонят.

– Просьб не будет. Но вопрос задам. Почему к Вовке-то не пошла? Почему ко мне?

Я долго молчу, буравя свекра взглядом исподлобья. Не уверена, что хочу отвечать на этот вопрос, но никак не могу найти причину, чтобы промолчать.

– Он разрешил мне видаться с Машей. Пока что раз в неделю, но я надеюсь, что разрешит и брать ее к себе, и приезжать в выходные или забирать ее из сада. Если ваш сын поймет, что я для него опасна, что через меня до него могут добраться конкуренты, то он просто вышвырнет меня из жизни, раз и навсегда. Я так рисковать не могу. К тому вы же своего сына хорошо знаете, вот и ответьте мне на вопрос, какова вероятность, что он воспримет угрозу серьезно, а не плюнет Цареву в лицо с предложением сходить по известному адресу. Вы отец, вы трижды сегодня мне об этом напомнили. Вот и исполняйте отцовский долг, защищайте ребенка. Кстати, поздравляю со вторым местом Насти. Я смотрела соревнования, она молодец.

– Спасибо, – рассеянно отвечает свекр. – Спасибо, Ксюш, правда. Ты прости нас. Мы тебя подвели, не стали семьей. Тебе, может, помочь чем? Я помогу, квартиру тебе другую сниму, с работой подсоблю.

– Ребенку своему помогите, – чуть резче, чем стоило бы, отвечаю, – ему плохо. Не хотите мне рассказывать, сами помогите. Он теперь не только за себя ответственный, у него Машка есть, кроме отца у нее никого. А теперь извините, мне нужно работать.

– Я бы многое отдал, чтобы меня кто-нибудь любил так же, как ты его.

Поднимаюсь, составляю на поднос нетронутый сэндвич и наполовину пустую чашку с кофе.

– Лучше молитесь, чтобы никто не возненавидел вашу дочь так, как он ненавидит меня.

Отныне каждый мой день – открытия. Я учусь готовить (спасибо интернету, где есть ответы на все вопросы). Учусь работать. В первые дни мне приходится по два-три раза ходить в магазин, потому что я постоянно что-нибудь забываю. Соль, средство для мытья посуды, мусорные пакеты – как много мелочей мы свалили на экономку и даже не думали, откуда в холодильнике берется холодная минералка и как часто заканчивается мыло в диспенсере.

А еще я покупаю балетки. Недорогие туфли из кожзама на низком каблучке, чтобы бегать по залу с подносом. Эти балетки превращаются в пыточное устройство буквально через несколько часов после начала пятничной смены.

Я работаю третью двенадцатичасовую подряд, чтобы уйти к Машке в три. Мне кажется, что если сяду хоть на секунду, то отключусь. За встречи с дочерью я буду платить здоровьем, а значит, больше нельзя приходить с работы и падать на постель, мгновенно отключаясь. Нужно искать то, чем я смогу заниматься долго, ибо можно прыгать между столиками, когда тебе двадцать пять, но долго это не продлится.

Ноги болят просто адски. Будь моя воля, я бы сняла балетки и ходила босиком, но за такое менеджер убьет и выставит на улицу без зарплаты. Поэтому я, стиснув зубы, терплю. И день сегодня, как назло, людной: все-таки пятница.

Диана – девчонка, которая подхватит мою смену, приходит на десять минут позже, чем договаривались. Мне хочется на нее рыкнуть, но я сдерживаюсь. Если она откажется, я не попаду к Маше, и тогда всему, что я так долго строила, придет конец.

Отдаю сменщице половину чаевых, заработанных за сегодня, и поднимаюсь. Я думала, что если минут десять посижу, то ноги пройдут, но, едва поднимаюсь, тут же охаю от боли и чуть не падаю. Если расходиться, не стоять на месте, то боль терпимая, но стоит дать ногам хоть минутную передышку, мне начинает казаться, что я хожу по куче раскаленных лезвий.

Если бы у меня был в запасе хотя бы час, я бы съездила домой переодеться, но приходится нестись на всех парах к садику, чтобы не опоздать за Машкой. Проклятая теплая осень! Я и не подумала взять запасную пару туфель, я вообще не ожидала, что новые балетки будут так жать и натирать.

От обиды и жалости к себе хочется разреветься прямо в метро, но кто виноват в том, что я понятия не имела, как изнашивают дешевую обувь? В прошлой жизни все было проще. Мне не приходилось таскать по двенадцать часов тарелки с едой, а туфельки покупались мягкие, кожаные и если вдруг натерли ногу, то вызывали только досаду.

Но все это меркнет в преддверии вечера с Машкой. Ради нее я готова терпеть любую боль, когда я выхожу из метро, то сердце бешено стучит в груди в ожидании встречи с моей девочкой. И только у ворот садика накрывает страхом.

Что устроил бывший после того, как я сбежала с Машкой? Что он говорил воспитательницам и девчонкам, как они отреагируют на меня?

Черт, сложнее всего не жить самостоятельно и не зарабатывать на кусок хлеба, а встречаться с людьми из прошлой жизни. Видеть в их глазах осторожный интерес, немой вопрос «как же ты умудрилась так накосячить». А иногда и торжество.

Захожу в садик и мысленно ругаюсь – администратор сегодня снова Рита и она при виде меня бледнеет.

– К-ксения Валентиновна... здравствуйте...

Я обещала себе быть сильной и уверенной.

– Здравствуй, Рита. Я за Машей, полдник уже закончился?

– Ксения Валентиновна... вы меня простите, но... я вам Машу не могу отдать.

– Почему же?

– Владимир Борисович... он так ругался и кричал, у нас чуть Людмилу Михайловну не уволили! И меня... мы думали, он полицию вызовет!

– Ну что за ерунда, разминулись во времени, он испугался, перенервничал, подумаешь. Я предупредила няню, няня забыла предупредить мужа, всех поставила на уши. Мы решили все вопросы.

– Вы в разводе.

– Не в тюрьме же. Рита, я прав родительских не лишена.

- Ксения Валентиновна, – умоляющим голосом канючит девушка, – я не могу, простите меня!

- Хорошо. Если я сейчас Владимиру позвоню, и он вам лично подтвердит, что Машу можно мне выдать, вы перестанете дрожать и позовете ребенка?

- Д-да...

Делать нечего, я набираю номер бывшего и с замиранием сердца слушаю длинные гудки. Правда в том, что я даже не уверена, что он передумает. И если услышу в трубке «знаешь, я решил, что сегодня не получится», то сгорю со стыда.

- Черное, – слышу на том конце провода без всяких «привет» и «как дела».

- Что?

- Если ты спрашиваешь, что надеть на встречу со мной ночью, то ответ – черное.

- Размечтался, будет синее.

- Ты позвонила сказать, что уже выпустила коготки? Потерпи четыре часика, если будешь хорошей девочкой, я трахну тебя еще в машине.

- А если буду плохой – то по голове?

- Серьезно, что тебе нужно?

- Мне не отдадут Машу, ты всех тут запугал до полусмерти. Я сейчас дам трубку Рите – подтверди, пожалуйста, что я имею право забрать дочь из сада, и ты не открутишь ей за это голову. Только не озвучивай ей свои планы на вечер, а не то она позвонит в опеку.

Рита мучительно краснеет, хотя и слышит только половину диалога.

- У Маши вылезла аллергия на дыню, к слову. Не корми ее ей.

- Хорошо, а у аллерголога вы были?

- Были.

- И что сказал?

- Дыню - не жрать. Давай быстрее, у меня сейчас встреча.

Несколько секунд Рита сосредоточенно слушает, что ей там говорит Владимир, потом возвращает мне мобильник и вымученно улыбается.

- Простите меня, Ксения Валентиновна. Просто ваш муж... то есть, бывший муж, очень громко кричал.

Повезло тебе, Рита, ой как повезло. Кричал всего лишь...

У меня адски болят ноги и спина, от одной мысли о вечере в компании бывшего дрожат руки, а еще смертельно хочется спать, я почти не спала ночью, но ни за что я не променяю моменты с Машей на сон или отдых. Она радуется мне, хвастается нарисованной картинкой, безропотно дает мне себя одеть и постоянно спрашивает, куда мы пойдём. Под неодобрительным взглядом воспитательницы мы выходим из садика и садимся в машину - водитель уже ждет, готовый отвезти куда нужно. Сначала меня раздражало, что бывший выдал надсмотрщика. Но едва вспоминаю Царева - и раздражение тут же проходит. Неизвестно, что ему придет в голову. Только бы Машку все эти конкурентные игры не зацепили.

- Папа сказал, у тебя аллергия на дыню случилась.

- Да!

- А что за аллергия?

- Нина-а-аю. Няня дала дыню, а я вся чесалась. Папа повез меня к врачу-у-у... а он поставил укол!

- Бедная моя, больно было?

- Да! Но папа купил мне корзиночку с киви.

- Папа у нас заботливый.

А главное логичный. После аллергии на дыню купить ребенку корзинку с киви. Что может пойти не так? Как бы мне так извернуться и встретиться с этой няней... вряд ли Володя будет меня слушать на тему, куда и как отвести ребенка, а вот няня может и внять доводам разума. Особенно, если ее правильно обработать и подсказать, как преподнести информацию шефу.

- А когда ты вернешься домой? - спрашивает Машка.

- Понимаешь, солнышко, дело в том, что я теперь живу в другом месте. И буду приходить к тебе в гости.

- Ты редко приходишь, - хныкает Маша и дует губки.

В такие минуты я ненавижу бывшего всей душой и сама боюсь своих мыслей.

- Понимаешь, Машунь, я теперь работаю. И могу приходить в выходные, а выходных у меня мало.

- А почему?

- А ты вспомни, как пошла в садик в первый раз. Каринку свою любимую не знала, Людмилу Михайловну не знала, где игрушки лежат - тоже не знала. Со всеми знакомилась, по садику гуляла. Помнишь? Вот и я со всеми знакомлюсь, все узнаю. Времени нет совсем, когда прихожу домой - ты уже спишь. А ухожу рано-рано.

- А если я не буду спать, ты придешь?

- Нет, давай сделаем по-другому. Ты придумаешь, куда мы с тобой в следующий раз пойдем, а я угадаю. Только хорошо думай, ладно? До следующей пятницы крепко-крепко думай и никому не говори! Я приду и буду угадывать, ладно? Если угадаю, получу приз, а если не угадаю - ты получишь.

– Какой плиз?

– Пока не знаю. Давай придумаем вместе.

Это счастливые мгновения, но мне их мало. Я хочу, чтобы Машка была рядом. Лопотала что-то себе под нос, рассказывала мне о своих делах, о том, как она себя чувствует, с кем дружит, что новенького в садике, что интересного дома. Как они с отцом проводят время, любит ли она няню, что ела на завтрак, обед и полдник.

А ей интересно бегать по парку, валяться в сухих ярких листьях, кормить уток в пруду и качаться на качелях. Она – пятилетний ребенок, который соскучился по маме и хочет гулять. До разговоров за чашечкой чая на крохотной кухне хрущевки мы еще не доросли.

Но даже эти часы придают мне сил. Только потому что Машка бегает вокруг, я не реву от боли в ногах, хотя, кажется, балетки уже стали частью меня, во всяком случае, совершенно точно стерли ноги до кровавых мозолей.

Но я запоминаю мгновения наедине с дочерью. Смотрю, как она радуется парку и уткам, как радостно смеется, а потом, иссякнув, сидит у меня на коленках и жует гонконгскую вафлю, купленную прямо в парке. Дочь прижимается ко мне, как котенок к теплому боку мамы-кошки, сопит в ухо и сладко зевает. Мне хочется прижать ее к себе и разреветься, потому что я так безумно скучаю! Хочу укладывать ее спать, кормить завтраком, гулять с ней во дворе дома, вместе вымалывать щенка у Володи, сидеть в первом ряду на ее утренниках и умиляться застенчивой снежинке.

Но у меня есть только парк и увядшие листья. А меньше, чем через час, вернется серый тоскливый моросящий дождик. И разбитое сердце, которое, кажется, уже невозможно собрать в единое целое, окончательно сметут в совок и выбросят на помойку. Уж в этом я не сомневаюсь.

Мы едем домой, уставшие, но довольные друг другом. Наверное, Машка сейчас поужинает и сразу отрубится. В следующую пятницу нужно принести ей какой-нибудь подарок. Отложить с чаевых и что-нибудь придумать. Конкурировать с игрушками, которые покупает бывший, я вряд ли смогу. Но безделушками наверняка пораду.

Машина тормозит у ворот дома, и, судя по тому, что я вижу бывшего и милостивую девочку, совсем юную и хорошенькую, в дом меня пускать не собираются. Но сейчас мне плевать, я держу Машку на руках и морально готовлюсь расстаться со своей девочкой.

– Добрый вечер, – холодно здороваюсь сразу оптом со всеми. – Машунька, просыпайся, смотри, папа приехал с работы.

Дочка сонно трет глазки и зевает, а няня, которая одним своим видом меня бесит, тянет к ней свои клешни. Я нарочно не передаю Машку ей и целую дочь в щеку.

– Спокойной ночи, девочка моя.

– А ты плидешь еще?

– Конечно, приду. Помнишь про уговор? Загадывай желание, куда мы пойдём с тобой в следующий раз. И никому не говори!

– Холошо!

Отдаю Машку няне и невольно замечаю, с какой ревностью она на меня смотрит. И с каким интересом – на бывшего. Наверное, объективно он довольно хорош собой, а дорогие костюмы и легкая небрежность в облике никого не портят. У него спортивная фигура, довольно резкие черты лица, которые, впрочем, совсем не портят внешность. Он циничен, строг, уверен в себе и чертовски богат. Если няня в него не влюблена, я готова сожрать собственные балетки.

Впрочем, я уже и так готова их сожрать, потому что ноги не просто болят от мозолей, их ломит так, словно по мне прошелся маньяк с молотком. Если я еще раз сяду, то встать уже просто не смогу, рухну, как мешок с картошкой, к ногам Никольского. Надо думать, его это очень порадует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/vemmer_anna/nenavizhu-tebya-lyubit

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)